

СКОРИК А.П.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА КАК ЭТНОСА.
ИЗНАЧАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ**

**Учебное пособие для студентов
по базовому учебному курсу
«История России»**

Новочеркасск 1992

ББК 63.3 (2Р37)
С 44

Работа одобрена на заседании кафедры истории Новочеркасского политехнического института и рекомендована к тиражированию (протокол № 10 от 3 апреля 1992 г.).

Научный редактор – канд. философ. наук **Лукичёв П.Н.**

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент

Берлявский Л.Г.;

кандидат исторических наук, старший преподаватель

Красова Е.Ю.

ББК 63.3 (2Р37)

© **Скорик А.П., 1992.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию предлагается текст лекций по истории донского казачества. Автор для его написания собрал и обобщил немало интересных материалов. При этом что-то было написано практически заново, а где-то сделана лишь литературная обработка. В подготовке настоящего пособия деятельное участие приняли: старший преподаватель кафедры социологии и политологии Новочеркасского политехнического института, кандидат философских наук ЛУКИЧЁВ П.Н., работники краеведческого отдела городской библиотеки им. А.С. Пушкина БУНИНА Н.И. и ИВАНЕНКО В.М.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто напутствовал словом и делом в его многотрудной работе.

КОГО СЕГОДНЯ МОЖНО СЧИТАТЬ КАЗАКОМ (дискуссионные авторские дефиниции)

Казак – это та часть населения донского края, которая может подтвердить своё кровнородственное отношение к донскому казачеству устными или письменными свидетельствами (преимущественно по отцовской линии).

Казак – это и та часть населения донского края, которая достаточно долго проживает на исторически заселённых казаками землях, причисляет себя к местному населению и поддерживает (приветствует) возрождение донского казачества. Причём, срок проживания (так называемая черта оседлости) – 8-10 лет.

Казак – это часть донских жителей, которые по социально-психологическому складу характера считают себя казаками. В их социально-психологическом генотипе заложены: склонность к военизированному образу жизни, чувство свободы и справедливости, мужское братство, стремление к освоению казачьих традиций и т.п.

Казак – это члены общественно-политической организации «Союз казаков Области Войска Донского».

По мнению автора, все перечисленные понятия не могут рассматриваться отдельно. Они являются характеристиками одного и того же явления. Тем не менее, данные определения весьма спорны и потому выносятся для отдельного обсуждения.

ВВЕДЕНИЕ

(краткая аннотация пособия)

В России вновь появляются люди в казачьей форме, но казаки ли они? Они ли потомки того степного народа, который сформировался несколько столетий назад? Пока всюду возрождаются казачьи войска, а не народ, из которого вышли поколения воинов-степняков, рыцарей православия... Почему? Где истоки казачества? Каковы истинные казачьи традиции и в каком качестве следует их возрождать? Все эти и другие вопросы затрагивает пособие, а его автор стремится дать свои нетрадиционные ответы на них. При этом используются разнообразные источники: от древних манускриптов до самых современных социологических данных.

1. Новые историко-культурные подходы в объяснении происхождения казачества

Понятия «исторического центра» и «транспериферии». Зачем казакам вновь нужны шашки? Был ли Дон окраиной? Новочеркасск как символ возрождения казачества. Кто же погубил донское казачество? А казаки вновь поют «Любо, братцы, любо...» Почему? Казачья свобода как мужское братство. Казак и женщина в исторической ретроспективе. Храм в жизни казака. Нужна ли политика казачьим массам? Поиск направлений в возрождении казачества.

2. Кто же такие казаки?

Можно ли казаков называть народом? Почему так долго говорили о казачьем сословии и для чего? Казаки как этнос, как этнокультурное образование. Закон России «О реабилитации репрессированных народов» и донское казачество сегодня.

3. О значении слова «казак» и идее казачества

Старая орфография слова – «козак»: не от «козы» ли? Казаки – древние разбойники? «Казак» означает «вольный, живущий на границе и всегда готовый служить за деньги». Так ли это? А если с персидского, то и вовсе получается «головорез». Стоит ли в переводах искать значение слова «казак»?

Авторская интерпретация слова «казак» на основе переводов донского наречия и татарского языка.

Идея казачества. «Положить душу свою за други своя». Средневековые российские рыцари?! Позднейшие наслоения.

4. Прежние исторические теории происхождения казачества

Когда впервые появились казаки. Славянские корни. Влияние кочевых и горских народов. Попадали ли казаки в зависимость от государств соседних народов? Торговые и иные попытки объяснения феномена казачества.

5. Обустройство и система организации жизни донских казаков

Жилища. Разделение казаков на верховых и низовых. Раздоры. Юрты. Правление. Круг и атаман. Военное устройство.

6. Старинные обычаи и традиции донских казаков

Жизнь в городках. Черкасск. Отправление в походы. Военное искусство. Отношения с Азовом. Поговорка: «Зипуны-то на нас серые, да умы бархатные». Морские походы. Казаки-охотники. Исторические легенды о них. Казачьи суда и вооружение. Празднование побед и характеристика военных трофеев. Как проходил казачий круг. Брачные отношения донских казаков. Православная вера. Одежда и нравы.

7. Донские казаки сегодня

Исторические и этнографические данные. Социологическое описание всего населения и казаков Области Войска Донского, а также её столицы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Чтобы осмыслить процесс возникновения казачества и его нового возрождения в современных условиях, мы пытались найти какой-то общий подход или подходы. Поиск осложнялся тем, что необходимо было выработать нечто единое как для исторического прошлого, так и для современного бытия казачества, ибо это довольно взаимосвязанные вещи для исторического повествования в наши дни. Здесь нам удалось выйти на понятия категориального плана. Ключевыми стали дефиниции «транспериферия» и «исторический центр».

Когда в начале 90-х годов нашего столетия наметилась тенденция социокультурного возрождения ряда провинциальных городов, которые в историческом прошлом были центрами экономической и социальной жизни неотъемлемых частей государства Российского, процесс этот стал протекать неодинаково, неровно и неоднозначно. Одни, как например, города «Золотого кольца», имели возможность сохранить в основных чертах своё историческое лицо, благодаря капитальным вложениям на реконструкцию исторических памятников, в первую очередь, архитектуры, а также благодаря туризму. Другие – спасали национальное достояние, пользуясь возможностями своего положения региональных, областных центров. Третьи, и в их ряду – Новочеркасск, превратились из столиц транспериферии в провинциальные промышленные города и не получили статуса исторического памятника, что было связано с временщическим отношением советского общественного сознания к культуре недалёкого прошлого, своеобразной культуре XIX века.

Трансформация бывшего исторического центра в заурядную провинцию имеет свое социокультурное объяснение. В этом плане важен методологический культурологический анализ понятий «центр» и «провинция», их взаимосвязей и взаимоотношений.

Исходным положением, определяющим направление наших рассуждений, является понимание культуры как совокупности знаковых систем, воспроизводимых в общении между людьми, и верований в значение знаков. Такой подход даёт возможность интерпретации культуры, во-первых, как многоуровневого образования (соответственно, вербальных, визуаль-

ных, тактильных и т.д. знаковых систем и их комбинаций), во-вторых, как объединения или же, в зависимости от аспекта рассмотрения, как пересечения знаковых множеств. Каждая культурная общность обладает спецификой знакового множества, отличающей её от других культурных образований, но в то же время семейство множеств и семейство семейств знаковых множеств объединены хотя бы одной, общей для всех, системой знаков, что позволяет рассматривать их как единое культурное образование.

В этом плане культура России (в широком смысле этого слова) представляет собой не объединение целого конгломерата культур, создающих целостность национальной культуры русского народа, а пересечение их, обладающее наибольшей знаковой мощностью. Оно образует культурный центр, в котором происходит генерирование как общей культурной целостности, так и своеобразной культуры центра. По отношению к центру, окружающие его культурные образования выступают в роли провинции, культурной периферии. Провинция, на наш взгляд, это культурное образование, характеризующееся определёнными особенностями развития знаковых систем, пересечение которых образует центр. И, наконец, есть области (не всегда окраинные), куда влияние центра доходит лишь опосредованно, и в этом смысле их следует рассматривать как транспериферию общего культурного образования. В силу данного обстоятельства транспериферия создаёт собственную культурную целостность, отличную и от центра, и от провинций. Здесь пересечение различных знаковых систем образует самостоятельный центр, генерирующий культурную целостность транспериферии, оказывающую многостороннее влияние в целом на жизнь нации. Таким транспериферийным культурным образованием, по нашему мнению, безусловно, является Область Войска Донского, столицей которой более века был Новочеркасск.

Транспериферия представляет собой не только самостоятельную культурную целостность, но и исторически сложившуюся часть государственного образования, обладающую значительной долей автономии в осуществлении властных функций. К этому приводят ряд исторически действующих условий. Для России – это неимоверная обширность государственной территории, управление которой, несмотря на всю мощь государственной системы, не может быть исполнено. В российских трансперифе-

риях формируется этнокультурная целостность. Эти процессы подстёгивают геополитические факторы. По отношению к Дону, очевидно влияние близости Турецкой империи и многонационального, постоянно противоборствующего Кавказа.

Усиление же государственной машины центра, её властной мощности приводит к сужению самоуправления и превращению транспериферии в культурную провинцию. Однако, авторитарный монархический режим не мог довести названную тенденцию до логического конца, до полного подчинения Дона центру, ибо для этого потребовалось бы ликвидировать его культурное своеобразие, основанное на совмещении трудовых и воинских функций населения и необходимое для существования самого режима.

Усиление имперских принципов управления в советский период завершило начатый Петром I процесс, превратив Дон в заурядную провинцию России, чему способствовало перенесение административного центра из Новочеркасска в Ростов-на-Дону и насильственная ликвидация культурной полифонии Дона. Насаждение единой социалистической культуры закрепляло имперскую форму властных отношений. Культура же, ориентированная на власть, а не на гражданское общество становится по сути антикультурой, оборачивается против человека, нивелирует не только этническое и региональное культурное своеобразие, но и личность, нацеливая её на воспроизводство знаковых систем государственной иерархии. На таком социокультурном фоне происходит возрождение исторического центра Области Войска Донского – города Новочеркасска. В этом многоликом процессе наметилось ряд тенденций, которые нуждаются в осмыслении.

Возникшее в конце 80-х годов движение за возрождение казачества (казачье движение), ставит, говоря откровенно, недостижимые цели, действуя испытанным большевистским методом «проб и ошибок». Ему не достаёт глубины в осознании процесса возрождения. Современные казачьи атаманы и рядовые казаки должны понять, что возрождение донского казачества сегодня невозможно осуществить, вернув его к тому же виду, какой оно имело в досоветский период. А если учесть, что за несколько веков своего существования казачество претерпело существенные социокультурные изменения, то ныне нужно чётко установить, какие традиции, какое

культурное наследие будут привнесены в современную жизнь населения бывшей Области Войска Донского. Главная трудность процесса возрождения связана с утратой той совокупности различных знаковых систем, которая обуславливала наличие транспериферийного культурного центра и самостоятельных образований внутри транспериферии (например, урюпинское, хопёрское, вёшенское и т.д. казачество). Сохранившееся различие культур казачьих транспериферий Юга России неизбежно приводит не к возрождению исключительно донского казачества, а к объединению возрожденческих инициатив целого региона – Дон, Кубань, Терек. Но если для Дона Новочеркасск по-прежнему в общественном мнении остаётся культурно-исторической столицей казачества, то этого нельзя сказать о Терекке и Кубани, где существует проблема исторического центра в силу тех или иных причин.

Казачье движение, начавшееся как стремление к культурному возрождению Области Войска Донского, естественно, принимает вид движения за восстановление транспериферийности, без чего невозможна её культурная целостность. Но эта тенденция в процессе возрождения, как показывает практика, несёт с собой опасность замыкания позитивной социокультурной инициативы на политических целях. В последнее время казачье движение порою приобретает лишь форму борьбы за власть. Появляется реальная опасность того, что оно станет чисто политическим движением. Тревожную тенденцию отхода нового казачества от идеи культурного возрождения подтверждает сосредоточение внимания на восстановлении атрибутивной знаковой системы, имеющей военно-политическое содержание – форма, шашки, нагайки, знаки различия и т.д. Если эта тенденция сохранится, и в казачьем движении не будут развиваться собственно культурные начинания, то к Новочеркасску не вернётся роль культурной столицы, ибо в этом случае Ростов-на-Дону, как административный центр, неизбежно останется сосредоточием политической жизни Дона.

С другой стороны, устремление к военно-политической атрибутике выступает как современная форма (что, правда, звучит весьма парадоксально) мужской эмансипации. Не случайно, поэтому гимном возрождающегося казачества становится песня «Любо, братцы, любо...», которую можно назвать и символом самого этого процесса. Природа мужской психологии ориентирует деятельность мужчины на воспроизводство целост-

ности общественного образования, в отличие от психологии женщины, ориентированной на воспроизводство кровнородственных отношений. Советская эмансипация женщины привела к перверсии психологической направленности и вызвала духовный кризис личности, столкновение её социальной и природно обусловленной аксиологии. Искажение женской аксиологии обусловило и перверсию положения мужчины в обществе и в семье. Реакция на данное отношение выражается в своеобразном понимании «свободы» как мужского братства, чему идеально соответствует возрождение казачьих традиций. В результате происходит смыкание двух процессов. Этот культурно-психологический феномен в основе своей несёт положительный заряд общественного созидания, творчества личности и в целом восстановления экологического баланса человека.

В продолжение наших суждений приведём данные социологического исследования (г. Новочеркасск, октябрь 1991 г.), которые весьма показательно иллюстрируют процесс возрождения казачества. Поддерживают этот процесс 55,9 % мужчин (не поддерживают 25,8 %, но это объясняется противодействием этнократическим тенденциям казачества). В то же время голоса женщин разделились почти поровну. 41,2 % поддерживают идею возрождения, что объясняется, по всей видимости, их личными ожиданиями этнокультурных традиций казачества и сохранением феминистической сущности женщины – ориентации на семью и главенствующую роль мужчины в общественных делах, на традицию относительной свободы женщины-казачки в семье. 37,5 % женщин не поддерживают идею возрождения казачества. Такое отношение продиктовано культурно-психологическими мотивами, сложившимися в советское время, нацеливающими женщину на активное участие в общественной жизни. Вследствие этого внутренний конфликт женской природы и усвоенной ею советской аксиологии выражается ныне в столкновении двух сущностей – сформированной и возрождающейся. Одновременно движение казачества вызывает естественную женскую осторожность к непривычному и по сему порождающему опасения.

Исследование процесса возрождения казачества с личностной стороны позволяет раскрыть характерное явление поглощения личности иерархически организованной корпорацией. Это, в общем-то, не вступает в про-

творчестве с культурно-исторической традицией казачества, во-первых, как самостоятельной корпорации, во-вторых, как разделённой внутри себя на более мелкие корпорации, своеобразные общины. Но для возрождения этой традиции сегодня отсутствует её материальная основа – общинный уклад жизни. Это порождает опасность превращения возникающих казачьих корпораций в закононепослушные, живущие по своему правовому умозрению ганги (группировки), что противоречит не только принципам правового государства, но и развитию личности в современном российском обществе, развитию демократии, раскрытию творческого потенциала человека. Не случайно в казачьем движении принимает участие незначительное количество здравомыслящей интеллигенции, которая в целом не приемлет корпоративной знаковой системы (например, обязательного ношения формы, поголовного коллективного моления в храме) и корпоративной замкнутости, полностью подчиняющей личность своим групповым интересам.

Превращение казачьего движения в процессе социокультурного возрождения в самостоятельную политическую силу, уход его от проблем, собственно культуры, привело в последнее время к разделению казачества на «белых и «красных». Размежевание началось по политическому принципу отношения к власти. Над возрождающимся казачеством, с одной стороны, довлеют сложившиеся стереотипы в понимании властных полномочий, уклад советской жизни, с характерным для его мифологии постоянным «образом врага», а так как свято место пусто не бывает – он наполняется новым содержанием, начинается поиск врага внутри и вне казачьей среды. С другой стороны, стремление к отрицанию советского опыта развития с приблизительным пониманием того, что должно быть. Казачьему движению явно не хватает культуры компромисса, необходимой для демократической политической деятельности.

Процесс историко-культурного возрождения казачества на территории нашей бывшей транспериферии идёт параллельно с процессом возрождения православия. Реакция нового казачества на параллельное явление неоднозначна. Для одних – это официальная знаковая система, для других – форма, позволяющая упорядочить жизнь, человеческие отношения посредством их христианизации, третьи видят в православии собственно духовное начало, веру, придающую смысл существованию.

Естественным центром возрождающегося казачества становится Новочеркасск. Почему? Во-первых, он является исторической столицей бывшей транспериферии. Он возник на переломе процесса перехода от специфической демократии – казачьей вольницы – через авторитарную монархическую власть к тоталитарному советскому государству. Функционально город способен выполнить и прямо противоположную роль перехода от тоталитарного режима к либеральному обществу с демократическим политическим устройством, в отличие от Ростова-на-Дону, который в годы Советской власти превратился в сосредоточие административных функций тоталитаризма. Во-вторых, здесь сохранились социокультурные реликвии донского казачества. Именно в Новочеркасске существует единственный в стране музей истории донского казачества. Также есть построенный в XIX веке атаманский дворец, где новый атаман Области Войска Донского имеет свой кабинет. В-третьих, в Новочеркасске находится Вознесенский кафедральный собор митрополита Ростовского и Новочеркасского – не последнего духовного лица в русской православной церкви.

Таким образом, возрождение казачества, и в особенности – донского, объективно совпадает с идеей социокультурного возрождения исторического центра Области Войска Донского – города Новочеркаска и отвечает потребностям развития современного российского общества, для которого существование транспериферии является исторически неизбежной реальностью и мощным стимулом для процесса культурного процветания государства Российского, для баланса, геополитических сил в современном мире и в самой Российской Федерации.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЗАКОВ

В современных публикациях о казачестве всё чаще ставится вопрос о том, что пора разобраться, кто же такие казаки – нация, сословие (общественный слой, имеющий определенные привилегии) или народ. Ответ на этот вопрос требует своего освещения для уточнения позиции автора.

Как известно, народность является определённой формой исторически сложившейся совокупности людей, характеризующейся общностью территории, территориальных экономических связей, единым языком (прояв-

ляющимся также в его диалектах), культурой, общими обычаями, традициями. На основе этого общность сознания своей этнической принадлежности или национального самосознания можно считать одним из признаков национальности. В данном случае учёными справедливо высказывается мнение, что элементом национального самосознания становится стремление к национальной независимости, к образованию своей национальной государственности.

По своему характеру общности людей различают от самых эфемерных, весьма кратковременных (случайные попутчики, толпа) до самых устойчивых (классы, этнические общности). По мере развития общества кровнородственный признак единения людей уступает первенство территориально-экономическим связям. Народность как исторически сложившаяся общность людей включает уже не столько этнически неоднородные элементы, сколько, прежде всего, социально стратифицированные группы.

Таким образом, народность (народ) представляет собой уже новую этносоциальную целостность, как правило, оформившую свою государственность.

Попадает ли донское казачество под указанные признаки? Давайте рассмотрим.

Очевидно, не может вызвать сомнение тот факт, что донские казаки – это уникальная историческая общность людей, сформировавшаяся на протяжении многих веков, обладающая своим особым («донским говором»), общей исторической территорией (Область Всевеликого Войска Донского с её десятью округами), своей национальной культурой, обычаями и традициями.

Последний из перечисленных атрибутов особенно проявляется в развитии народного творчества, самодеятельной казачьей культуры, в песенном и танцевальном фольклоре, своеобразном колорите донских казаков. Нельзя отрицать и традиционное казачье «братство по крови», которое является ещё одним весомым аргументом в пользу тезиса о том, что донское казачество – это социально-этническая общность, которую по названным признакам, вероятно, можно характеризовать как народность (народ).

Какие аргументы приводят противники этого? Во-первых, что язык казаков – это русский язык, имеющий некоторую специфику, классифици-

руемую как «донской говор». Но ведь суть дела, в конечном счёте, не в том, на каком языке говорит та или иная нация (народность), а в том, что они не могут существовать без общности языка. Например, на английском, или испанском говорят несколько наций, что не мешает им сохранять свою этническую специфику, национальность.

Во-вторых, приводится тезис о том, что казаки – это особая социальная категория, сословие. В него можно было попасть как путём приёма на казачьем круге, так и быть лишённым казачьего звания указом окружного атамана. (Впрочем, и сегодня открыт широкий путь в ряды казаков, особенно лицам славянского происхождения). Но ведь одно другому не мешает. Социальное и этническое, как считают некоторые учёные, достаточно тесно взаимосвязаны в национальном. Нация (народность) не делится на две сущности: социальную и противостоящую ей в целом этническую. Она не составляет и одну социальную сущность, а имеет в категориальном смысле две стороны: социально-экономическую и этническую. При этом народность – первая социально-этническая общность с классово-групповой структурой. Да и чем объяснить историческую территорию расселения донских казаков, если считать их социальной прослойкой? Социальные общности, как известно, экстерриториальны.

Кроме того, порядок приёма в казаки соответствует ныне активно разрабатываемой в науке проблеме нормативного регулирования национального самоопределения личности, праве изменения человеком своей метрической национальности на соответствующую его внутреннему самосознанию. Этот принцип лежит в основе последних Всесоюзных переписей населения. Однако, в государственно-правовой практике он пока широко не применяется. Этот весьма серьёзный аргумент в пользу специфики донского казачества, названный национальным самосознанием, ярко проявился в ноябре 1990 г. на съезде донских казаков, проживающих как на исторически донской земле, так и за её пределами. Все они единодушно высказались за воссоединение в исторических границах Области Войска Донского. Это и есть тот недостающий признак донского казачества как народности, который неоднократно ранее оформлялся как высочайшими указами русских императоров, начиная с Ивана IV (Грозного), так и нормативными актами советской власти в форме Донской республики.

Движение за возрождение и воссоединение донских казаков не только исторически неизбежно, но и социально справедливо. Оно опирается на прочную правовую базу – Закон Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов». Пострадав от ничем неоправданных репрессий, донское казачество имеет законное право на свободное этнокультурное и социальное развитие. Время существования этнических общностей исторически пока не прошло.

Однако, процесс возрождения казачества сегодня направлен не в этнокультурное русло. Для этнического самоопределения необходимо по крупицам собрать культурное наследие предков. До тех пор, пока этого не произойдёт, казачество будет находиться в маргинальном состоянии, вызывающем социальные неустойчивость и конфликты.

Иначе говоря, в исторически сложившихся условиях XX века казачество деградировало из положения субэтнуса до корпоративно-маргинальной военизированной структуры, имеющей исключительно общественно-политическую направленность. Попытки вывести казачье движение на широкую дорогу этнокультурного возрождения, попытки поиска нового содержания в существовании казачества приводят к расколу казачьего движения, делают его источником социальной напряжённости.

В этническом отношении сегодня можно говорить об этнокультурных группах казачества, расплывённых в силу сложившихся исторических условий на значительной территории. Их этническая консолидация пока не произошла.

О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «КАЗАК» И ИДЕЕ КАЗАЧЕСТВА

Вопрос о возникновении казачества далеко не выяснен в исторической литературе. Сам термин «казак» появился в глубокой древности. Первые его упоминания мы находим в древнеиндийских источниках I тысячелетия до нашей эры. Так, в тексте «Самютта-никае» есть название наёмных сельскохозяйственных работников, – «kassaka-purisa», а в «Артхашастре» тот же разряд земледельцев обозначается как «sudrakavsaka».

В XVII в. он решался филологическим путём. Находя сходство в созвучии слова «козак» (именно такова была его орфография в то время) и «коза», польские исследователи Пясецкий и Коховский объясняли, что ка-

заками назывались те люди, которые на своих лошадях были быстры и легки как козы.

Весьма вероятно также, что слово «казак» зародилось в тюркско-татарской среде, а оттуда перешло и в гунгузские колонии, и на Русь для обозначения добытчика, промышленника, человека, живущего отхожими промыслами. С течением времени оно стало прилагаться к тому разряду людей, которые в русских летописях и венгерских грамотах называются бродниками. Подобную идею высказал М.К. Любавский. (Бродниками называли население побережья Азовского моря и Нижнего Дона в XII – XIII вв., возможно славянское. Бродники участвовали в междоусобицах русских князей, русско-половецких и русско-татарских сражениях).

В сборнике «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих» (апрель 1760 г., Санкт-Петербург, Императорская Академия Наук) указывается:

«Некоторые писатели казацкое имя производили напрасно от козы или косы, или от турецкого слова «казак», чтобы якобы значит разбойник, или от слова «капшак».

Греческий император Константин Багрянородный в книге о правлении государства на странице 113 еще в IX веке от рождества Христова упомянул о земле Касахии между Чёрным и Каспийским морями по южную сторону Кавказских гор лежащей. По российским летописям князь Мстислав Тмутараканский, сын Великого Владимира, в 1021 году завоевал народ козаги. Сии козаги, как некоторым кажется, были тем самым народом, о коем упомянул император Константин. Но какого роду были, и каким языком говорили, о том неизвестно, равно как и о самом положении города и княжества Тмутараканского. И потому трудно определить с уверенностью, что бы то ни стало.

Иные по сходству имени заключили, что козаги, Константином Багрянородным упоминаемые, были праотцами наших российских казаков. Но как можно такое мнение в истории считать довольно обоснованным на одном токмо сходстве имен? Ибо имя от одного народа на другой перенесено быть не могло.

Казаки, при горах Кавказских обитавшие, уповательно были татарской природы. Они, может быть, по обычаям своим казаками прозваны, равно как киргис-казаки, или просто так называемая Казачья орда, народ татарский, за рекою Яиком обитаемый, потому что обыкновенно воюют

наездами, сим именем прозваны. Ибо «казак» значит на татарском языке легко вооружённый воин, который более наездом, нежели регулярным нападением, неприятелю вред делает; значит и такого, кто у другого на войну нанимается, или кто голову у себя бреет. Все сии знаменования татарским казакам приличны, а российским токмо некоторым. Мало ли находится в российском языке слов татарских?».

По замечанию В. Быкадорова, некоторые авторы производят казаков даже от древних амазонок (воинственных женщин) (С. 7). По его мнению, казаками назывались вольные люди в XIII – XIV вв. (С. 12).

Сенковский в статье «Кзаки» в 1834 г. слово «казак» связывал со словами «каз», «гас» – дословно «гусь», «гусак». Такой подход вполне объясним с точки зрения обычаев казаков. Они любили собираться на высоком месте, чтобы взору открывалась даль степная. Любили в таких местах погулять, отметить своё какое-нибудь торжество. Вот и выражение «на горе гуси гогочут» наверняка применимо к казакам.

Фишер в своей «Сибирской истории», изданной Академией наук в 1774 г., слово «казак» относит к татарскому языку. Оно означает, по его мнению, такого человека, у которого нет семьи, или который не имеет постоянного жилища. Название это первоначально приписывалось собственно казачьей орде, то есть ордынским казакам, жившим в начале XVI в. по Нижней Волге (в начале XX в. киргиз-кайсаки), которые славились своими набегами и наездами перед другими народами. Название «казак», по мнению Фишера, от татар перешло к русским и полякам.

По мнению Сталенберга, слово «казак» означает «вольный, живущий на границе и всегда готовый служить за деньги».

У киргизов есть особый род, который носит название «казак». Эти киргизы называют себя не «кайсак», как пишут многие авторы, а «кхазак». Это потомки, принявших мусульманство и смешанных с другими восточными народами, древних казаков. В языке киргиз-кхазиков встречается очень много характерных слов и выражений, свойственных говору донских казаков раннего периода их существования. Так, кублюк – кубилёк (женский наряд из шёлковой ткани ярких цветов), чекмень – кафтан, казан –

котёл, тумак – шапка с верхом, шальбары – шаровары, юрт, мерин, башка, таган, чугун, серьги, чулги – чулки, куп – выкуп, чекан – оружие, тала – тальник, камыс – камыш, чушка – свинья, карга, беркут, драфа, сазан, урань – ура, карбуз – арбуз, каун – дыня, тыква, бахча, канжар – кинжал, чумичка, малахай и другие.

Сталенберг и Рубруквис отличают киргизов татарского историка Абул-Газа от киргиз-кайсаков и называют последних кергезы или черкесы – казаки, вернее черкесские казаки.

Болтин в примечании к истории Леклерка, в 1788 г. писал, что в отдалённые времена на юге России жили татарские, сарматские и славянские племена. От них, по его мнению, отделились разные толпы и ушли в степи. Там они разбойничали и питались охотой. Татары называли их «казаками», то есть сбродом. Постепенно количество этих людей увеличивалось, и их стали называть «половцами». Они-то и просуществовали до монголо-татарского нашествия.

В.Д. Сухоруков в «Историческом описании земли Войска Донского» пишет, что «слово «казак» известно было в России гораздо раньше этого времени (т.е. XVI в.): оно, по мнению некоторых, на языке монгольском означало пограничного стража и вообще военного человека; но, рассматривая наши летописи тогдашнего времени, видим, что казаками назывались и такие люди, кои не только вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украину. По смыслу слов, в летописях и современных актах встречающихся: «На поле ходят баловни-казаки... живут своим казачьим обычаем» и т.д.; нельзя не согласиться, что имя «казак» применялось однозначительно разбойнику, но в отношении ремесла оно не было столь поносным и преступным, как разбойник, ибо этот род жизни и поведения были в духе тогдашнего времени. Таким образом думать надобно, что слово «казак» означало отважного наездника, живущего набегами и войной, не привязанного к земле и домовитости».

Барон Брамбеус (О.И. Сенковский), знаток восточных языков, писал, что слова «казак» и «вольный» у монголов были как бы равнозначными. Слово «казак» понравилось беглецам из России и Литвы, поселившимся на Днепре и на Дону. Это слово ничего общего не имеет с именем касогов. Само понятие казачества возникло давно у славян, да и у северных наро-

дов. Оно возникло как обозначение обычая. В восточно-турецких языках слово «казак» означает бесприютный, скитающийся, никому не подвластный, вольный. Бабер часто употребляет в своём джигатайском наречии слова «казаклык», «казакламак» в этом же смысле. Как производное оно происходит от «каз» – гусь и значит «гусак» – «свободный, как дикий гусь». Так говорят турки.

Название черкесов, которые сами себя именуют «адыгами», происходит от персидского слова «серкеш» и тоже значит «неподвластный», «бунтующий», «вольный» (буквальный перевод – «головорез»). Как известно, казаков тоже называли черкесами или черкасами.

Есть и другая версия. Новгородцы тоже славились своей вольницей. Кстати, некоторые авторы считают, что казаки – потомки новгородцев, переселившихся на Дон.

Если же взять венгеро-славянское: «гуса», «гусар» – «свободный всадник, бродяга, разбойник», происшедшее от слова «гус» (гусь), с его производными – «гусарити», то есть разбойничать на море, «гусарица» – разбойничья лодка и т.д. В общем-то, выходит одна и та же идея вольницы, свободного человека. (Кстати, гусарами назывались новосербские казаки).

По мнению Н.М. Карамзина, казачество выступило на арену истории в X в. под именем торков и берендеев, а затем черкасов и просто казахов или казаков.

Таким образом, выяснение этимологии слова «казак» неизбежно нас выводит на проблему происхождения казачества. Здесь тоже много самых невероятных предположений, так например, перевод слова «казак» с тюркского как «гусь белый». Эта кличка существовала у славян Юго-Восточной Европы в VII в. Иначе говоря, славяне, выжившие после многих великих потрясений, происходивших в степях, и стали впоследствии казаками.

В целом, надо подчеркнуть, что казаки в ранний период своего существования представляли собой особый маргинальный слой общества. Поэтому их трудно идентифицировать с каким-то одним названием, словом, понятием.

В этой связи мы хотели бы предположить, вероятно, парадоксальную авторскую трактовку. Известно, что в донском говоре фигурировало слово «капшак» (в переводе с татарского – «мешок»). Оно порою использовалось на бытовом уровне в качестве обозначения того или иного казака, по-

сколькx казаки часто носили одежду из грубой ткани, напоминающей мешковину. Далее, в донских станицах до недавних пор звучало слово «капшук», то есть «мешок с деньгами». Отсюда следует, что «казак» – это вольный воин, носивший грубые одежды, имевший деньги для своей разгульной жизни.

Однако, поиск в объяснении понятия, слова «казак» всегда увязывается авторами с другими проблемами. Очевидно, практически смешиваются три вопроса: 1) этимология слова «казак», 2) идея казачества, 3) теория происхождения казачества. Чтобы легче было разобраться, мы вначале попытались выяснить происхождение слова «казак», а теперь проанализируем содержание идеи казачества.

Долгое время идея казачества преподносилась как тезис «борьбы за веру, царя и Отечество». Это, кстати и послужило одним из поводов для расправы с казачеством в годы советской власти. Однако, при внимательном историческом рассмотрении проблемы, выявляется, что только «вера» была в идее казачества изначальным элементом. Всё остальное было привнесено политическим режимом на Дон с целью укрепления своего влияния в среде казачества.

В основе действий казаков лежала высокая идея любви к ближнему, ибо казак был готов «положить душу свою за други своя». Донцы жили малыми общинами, и казаку было глубоко наплевать на дальнего московского царя. Именно ближний, товарищ, атаман – вот кто составлял его бытие, его заботу, вот перед кем он любил похвальныйся, вот на кого он мог понадеяться. Старинные донские пословицы: «День мой – век мой», или «Хоть жизнь собачья, так слава казачья», или «Терпи, казак – атаманом будешь» и многие другие являются яркой иллюстрацией былой казачьей жизни.

Основой могла быть и вольница – идеал казачьей жизни. Какой же тут может быть царь, который никак не способствует вольнице. Получить что-то – да, но продать свою волю – ни за что. Любопытен завет праотцов-казаков о принципе Дона: «Мы живем – милостью Божнею, Государевым счастьем и казацким молодечеством».

Как видим, здесь уже произошло смещение акцентов. Нет той однозначности, что была в первой формулировке. Понятие «царь» заменяется государевым счастьем. Появляется словосочетание «казацкое молодечество». Уже речь идёт о союзе людей для самоотвержения, самопожертвования.

ния за идею веры и отечественного блага.

Идея казачества при её исторической реконструкции будет выглядеть примерно так: «За веру, вольницу и товарищей, за Тихий Дон» или «Свобода, вера и справедливость», Именно в эти рамки укладывается обычай, получивший название «С Дона выдачи нет!».

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА

Современные авторы во многом повторяют тезисы учёных XVIII и XIX вв., объясняя происхождение казачества. Попробуем выяснить, каков же был уровень научного знания по этой проблеме к началу XX века.

В XVIII в. продвигаясь внешним филологическим путём, основываясь на созвучии в названиях, учёные начинают видеть в казаках остатки или потомков различных народов. Грабянка, а за ним Ригельман производили казаков от хазар. Ян Потоцкий видел в казаках потомков тех кософов, которых великий князь Мстислав Владимирович поселил в XI в. на Черниговщине. По мнению Татищева, в Египте был город Черказ (от него и казаки впоследствии у русских людей назывались черкесами), жители которого переселились на Кавказ и стали называться косогами. Из Кавказа выводил казаков и Петр Симоновский, сближая римское название Гиркании (область на Кавказе) с латинским словом «*hirkus*» – козёл. Польский историк Духинский и поэт Падура создали в своей фантазии целый народ с именем казаков. Перечень трактовок можно продолжать, но они не исчерпывают проблемы.

Кроме филологических, были и другие попытки объяснения происхождения казаков. Польский историк Кромер и русский князь Щербатов видели в казаках остатки половцев. Вольтер в «*Histoire de Charles XII*» – остатки татар. Карамзин, Соловьёв, Миллер, Самчевский, Броневский – потомков тюркского племени, жившего на Юге России и известного под названием чёрных клобуков. Доказать реальную связь между казаками и этими народами невозможно. Сведения о чёрных клобуках и половцах прекращаются с XIII в. Известия же о казаках в основном начинаются с XV в. Хотя можно найти сведения и в более ранних периодах, что вносит больше неопределённости в данный вопрос.

Правильнее же будет объяснять происхождение казачества условиями жизни тех людей, того народа, из которого вышли казаки. Уже в XVI в. польский летописец Мартын Бельский, дядя которого был первым старшиной в казацком войске в начале XVI в., пишет, что казачество выдвинулось из народа, благодаря умственному складу и характеру некоторых лиц. Взгляд Бельского разделяли французский инженер Боплан, около 20 лет пробывший на Украине и смотревший на казачество как на класс рыцарей, а также украинский летописец Самуил Величко. Костомаров принимал казаков за мещан, которые ходили сначала на юг, на промыслы. Но условия путешествий заставили их вести военный образ жизни. Карпов и Тумасов связывали казачество с княжеской дружиной. Профессор Н.П. Дашкевич выводил казаков из Болоховской земли. Профессор П.В. Голубовский и указывал на происхождение казаков от «бродников», которые ещё в княжеские времена занимали степные места.

В 1863 г. в «Архиве Юго-Западной России» профессор В.Б. Антонович высказал мысль (от которой впоследствии, после резкой критики М.А. Максимовича, решительно отказался) о связи казачества с древнерусскими вечевыми общинами. Мнение Максимовича (соч., т. 1), к которому в конце XIX в. примкнул и которое наиболее полно обосновал В.Б. Антонович в своей статье «Киев, его судьба и значение в XIV – XVI вв.», сводится к следующему. В литовском государстве вся земля считалась собственностью правительства и была поделена на службы, по 200 десятин (218 га) приблизительно в каждой. Службы эти раздавались всякому желающему, при условии выставлять с каждой службы по одному вооружённому воину. Не исполнялось это условие – служба отбиралась. Одно лицо могло владеть несколькими службами. Вся территория Литовского княжества подразделялась на земли и поветы. В каждом повете был замок, в котором сидел поветовый староста, соединявший в своих руках роль главного администратора, судьи и войскового начальника. На обязанности старост пограничных поветов лежала защита от нападений неприятелей. В конце XV в. крымский хан Менгли-Гирей разорил Южную Украину. Остатки жителей, не перебитых или не захваченных в плен, убежали на север, в Волынь и Полесье. Обширное пространство земли в поветах Киевском, Переяславском, Каневском, Черкасском, Брацлавском и Винницком оставалось пустыней. Не находилось людей, которые бы пожелали брать там службы. По-

граничные старосты стали для защиты границ раздавать службы или сельским общинам, или отдельным лицам нешляхетского происхождения с обязанностью нести военную службу. Вот отсюда и возникло казачество.

На наш взгляд, подобную же систему суждений можно отнести и к более раннему периоду, периоду соприкосновения нарождающейся Киевской Руси и Хазарского каганата в VIII – IX вв. Тогда для защиты от хазар в долинах Сейма, Псла, Ворсклы славяне воздвигнули укрепленные деревни, располагавшиеся гнёздами вокруг небольшого городка, обычно упоминаемого в летописи как Ромен, Лтава, Курск и др. В дальнейшем, именно на этой территории жили «сведомые кмети» – куряне, с детства воспитанные в военном духе. «Кмет» – крестьянин, несущий военную службу. Вероятно, сведомые кмети и были предками донских казаков. Впрочем, это лишь одна из исторических версий.

Первое широко известное упоминание о казаках встречается в конце XV в. в хронике Бельского, который пишет, что в 1481 г. во время похода поляков против татар проводниками поляков были казаки. В 1491 г. на галицком Подолье произошло восстание селян против шляхты. Кромер и Бельский свидетельствуют, что во главе восставших был казацкий атаман Муха. В документах казаки впервые упоминаются в 1499 г., когда в «привеле» данном великим князем Александром г. Киеву, было определено, какое мыто (государственная пошлина с торговли) мещане должны брать с казаков за рыбацкий промысел.

В конце XIX в. теорию, высказанную В.Б. Антоновичем, снова выдвинул И.М. Каманин в своем труде «К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого» (Киев, 1894). Казачество, по его мнению, – «исконно землевладельческое и земледельческое туземное южно-русское население, сознающее свою национальную особность и преданное своей вере, которое, признав сначала добровольно власть татар, а потом, перейдя под владычество Литвы, при вторжении в его жизнь чуждых шляхетско-католических начал, стало стремиться к обособлению, к выработке собственных форм, но вследствие отсутствия сильной центральной власти, соединённого польско-турецкого давления извне, постоянных смут внутри, оно вынуждено было развиваться лишь в многосторонней, обессиливающей его борьбе, которая и составляет отличительную черту казацкой истории». Мнение

И.М. Каманина подверг критике М.К. Любавский в статье «Начальная история малорусского казачества» («Журнал Министерства народного просвещения», 1895, VII). По мнению М.К. Любавского, «история малорусского казачества не представляет процесса, отличного от того, какой представляет история великорусского казачества. Как в Великороссии, так и в Малороссии казак является сначала отхожим промышленником, ищущим заработков на стороне, чаще всего на степном приволье. Это степное приволье притягивает к себе выходцев из разных местностей Руси, чаще всего из окраинных. Выходцы в видах самозащиты группируются в вооружённые товарищества, вокруг отдельных вожаков – атаманов. С течением времени степи начинают колонизироваться этими выходцами, которые устраиваются в них на постоянное житьё, сохраняя свою военную и общинную организацию. В степях появляются казацкие хутора, казацкие слободы, являются домовитые казаки, начинается земледелие. Так было и в бассейне Днепра, так и в бассейне Дона. Казаки – не остатки каких-то древнеславянских вольных общин на пограничье русской оседлости, а вооружённые артели промышленников, вытянутых из пределов этой оседлости пустотой степей. С пограничья шло в степь больше всего народа, но и внутренние области государства давали в казачество известный процент... Как казацкое землевладение не было исконным фактом, а развилось с течением времени, так и казацкая автономия, казацкая политическая свобода не была исконным фактом, а развивалась с течением времени».

Таким образом, поиск теоретических конструкций, объясняющих происхождение казачества, привёл нас к мысли о том, что процесс складывания казачества – явление достаточно общее для мировой истории. У многих народов, во многих странах тоже существовало нечто подобное. Национальная особенность России как раз и состоит в появлении на авансцене исторического прогресса именно казачества.

Маргинальный характер этнического происхождения и социального бытия казачества затрудняет использование устоявшихся дефиниций при описании его как исторического феномена.

Появление казачества может быть объяснено совокупностью факторов: геостратегическим положением казачества (район переплетения интересов и ослабления влияния государственных систем), внешнеполитиче-

скими обстоятельствами (казаки были нужны для защиты от иностранной экспансии), развитием торгово-экономических связей (обеспечение экономических контактов в политически нестабильном регионе), особенностями культурной эволюции (существование казачьей транспериферии), социально-психологическим складом характера определённой части людей (стремление казаков к вольнице, военным походам, кочевой жизни), географическим расположением территории проживания (водный бассейн большой реки, широкие степные просторы способствовали быстрому перемещению; природные богатства позволяли достаточно легко иметь физиологически необходимый прожиточный минимум), этнографическим компонентом (отбор отчаянных людей шёл из различных народов; стимулировался диалог культур, обеспечивавший усвоение опыта, достижений целого ряда этносов) и др.

ОБУСТРОЙСТВО И СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Жилища. В конце XV в. по берегам Дона, от устья реки Хопра вниз до реки Аксая, на протяжении более 850 километров были рассеяны на различном расстоянии казачьи городки и зимовища. Несколько подобных селений находились ещё и по реке Северский Донец. Остальное пространство между этими двумя реками оставалось незаселённым.

Городки и зимовища отличались между собой. Первые являлись постоянными жилищами, а вторые составляли временный и преимущественно зимний приют, где бездомовые казаки проводили зиму в шалашах и землянках, а с наступлением весны уходили на военные поиски. Городки были обнесены по кругу стеной из двойного плетня или двойного палисадника, внутри набитого землёй. Такие укрепления сооружались для защиты от неприятельских набегов. В городках жили общества казаков в избах или в землянках. Численность городков и зимовищ, равно как и число самих казаков определить не представляется возможным. Ориентировочные данные на конец XVI века приведены в приложении № 1 настоящего пособия.

Разделение казаков на верховых и низовых. Донские казаки с момента их поселения на Дону разделялись на верховых и низовых. Верховые жили в верхней части Дона, а низовые расселялись, начиная от Цим-

лянского городка. Низовые считались более старшими и более отважными. В нижних юртах также располагались управление и столица донского казачества.

Исторически известен случай, когда в грамоте царя Фёдора Иоановича (21 марта 1592 г.) были названы сначала верховые, а затем низовые казаки. За это низовые обиделись. Они высказали свою обиду посланнику царя Нащёкину.

В образе жизни низовые и верховые казаки практически не различались.

Раздоры. Это был самый нижний городок на Дону в XVI в., и находился он близ известной нашим современникам станицы Раздорской. Городок располагался на острове, образуемом рукавом Дона и рекою Дон. Он являлся главным местом, столицей казачьих владений. (Позже столицей объявлялись Монастырский, Азов и Черкасск. Последний ныне превратился в станицу Старочеркасскую). В нём пребывал войсковой атаман.

Казачьи городки всегда отличались малолюдьем, потому что казаки любили военные тревоги, скучали жить дома и непрерывно уходили искать опасностей и добычи в неприятельской земле. Верховые большей частью бродили по Волге и в ногайских улусах. Низовые собирались всегда в Раздоры, а оттуда отправлялись в походы на Азов, в плавания по Азовскому и Чёрному морям. При этом Раздоры оставались главным сборным местом всех казаков и отличались многолюдностью.

Юрты. Это слово встречается в актах XVI в. в значении поселений. Под ним буквально понимались также сами жилища казаков, то есть избы, землянки, шалаши. В литературе встречаются наименования юрты нижние, юрты черкасские и т.д.

Правление. Казаки соединялись в цельное общество из разноплеменной вольницы. Они решали свои общественные дела только общим советом. Предметом разговора на общих советах в основном были одни и те же вопросы: идти на войну или на поиск, разделить добычу или наказать изменника. Простые жизненные проблемы просто и решались, получая одобрение или отвержение. Эта система народного правления называлась **войсковым кругом**. Данному главному народному собранию принадлежала вся власть по управлению казачьим войском. Оно выступало верховной и единственной судебной инстанцией. Название, вероятно, было дано

согласно внешнему виду главного народного собрания. Общественные сборы обыкновенно происходили на открытой площади, где казаки составляли из себя круг, стоя на ногах и без шапок в знак почтения места собрания и случая общего схода. Любой казак имел здесь свободный голос.

Исполнительная власть принадлежала **войсковому атаману** и **двум войсковым есаулам**. Письменные дела оформлял **войсковой дьяк**.

Дела на суд народа обычно предлагал войсковой атаман, который для этого вместе с есаулами выходил на середину круга. Также поступал любой казак, который желал обратиться к войсковому кругу. Решение принималось большинством голосов.

Обычные вопросы рассматривались и разрешались казаками, которые на данный момент находились в раздорских юртах. В самых важных случаях дожидались товарищей из походов и созывали казаков из всех городков.

На войсковом круге все были равны. Даже голос атамана или есаула приравнивался к голосу любого казака. Войсковые атаманы и есаулы избирались ежегодно. Круг мог наказать атамана или есаула так же, как и рядового казака, в том числе приговорить их к смертной казни. После переизбрания бывшие войсковые начальники становились в общий строй.

В конце XVI в. в городках стало формироваться собственное правление, подобное войсковому. Появился слой станичных атаманов. Станицей тогда называлось любое сообщество казаков, проживавшее в городке или зимовище, а также образованное для какого-либо дела. Станичные атаманы избирались из числа храбрейших и благоразумнейших казаков. Они выступали в роли предводителей и советников, но особой властью при этом не располагали. В каждом городке была общая, так называемая становая изба. В неё сходились казаки на досуге вести рассказы о делах бранных, совещаться об исполнении решений войскового круга и разбирать частные дела своей станицы.

Военное устройство. Казаки совершали сухопутные и водные походы. Всякий отряд, сухопутный или судовой имел своего атамана, которому присваивался титул походного атамана. Он избирался на общем круге казаков, отправлявшихся на то или иное мероприятие. Большие рати обыкновенно делились на сотни и полусотни, которыми командовали есаулы,

сотники и пятидесятники. Все эти чины избирались, но после возвращения из похода слагали свои звания и полномочия. Оружие казаков состояло из **малых пушек, рушниц** (ручница – ручное огнестрельное оружие. Имела гладкостенный кованый железный ствол, прикрепленный к деревянному ложе. Заряжалась с дула пулями из железа или свинца. Калибр 12,5 – 25 мм, масса до 8 кг, прицельная дальность стрельбы около 150 метров) **или пицалей** (это общее название ранних русских образцов огнестрельного ручного оружия. Появились в конце XIV в. Первоначальные ручные пицали (ручница, самопал, недомерок и др.) мало отличались от пицалей-орудий (крепостных или «затинных», стрелявших из-за укрытий). Существенное отличие в конструкции ручных и артиллерийских пицалей возникло в XV в. с появлением фитильного замка. Фитильные, затем кремнёвые ручные пицали применялись до XVIII в. Пицали-орудия делились на крепостные, осадные, полевые, полковые и состояли на вооружении до XVII в.), **а также копий и сабель**. Оружие приобреталось путём покупки или добычи у неприятеля. Со временем порох и свинец стали получать в качестве жалования от российского двора.

Безусловно, вышеприведённые сведения не исчерпывают вопроса об обустройстве и системе организации жизни донских казаков. Мы изложили лишь самые принципиальные моменты, характеризующие положение вещей в ранний период существования донского казачества, в XV – XVI вв.

СТАРИННЫЕ ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

В раннем периоде исторического существования донского казачества до начала XVII в. донцы вели рыцарскую, почти полудикую, кочевую жизнь. Вольное и бесстрашное казачество практически не знало земледелия и не занималось домашним хозяйством. Питались в основном рыбой и дичью. Наслаждением жизни были войны, набеги и грабежи. Партизанская стратегия войны, исповедуемая казаками, заставляла их жить преимущественно под открытым небом на биваках.

По правому берегу Дона, от устья Аксяя и до верхнего течения самого Дона, в глуши лесов, между болот располагались небольшие казачьи городки. Эти городки в основном состояли из шалашей и землянок, которые

строились на скорую руку. Такие поселения обносили плетнём, а вдоль него насаживали кусты терновника и насыпали земляной вал. Подобные укрепления были достаточны для отражения нападений небольших конных отрядов. Казаки не заботились о красоте, архитектурной строгости, изяществе и жизненном удобстве своих жилищ, дабы, как говорили их прадеды, не играл на них глаз вражеский. Бесшабашное отношение к своему пристанищу диктовалась естественной необходимостью стиля жизни казачества. При нашествии сильного врага казаки без сожаления оставляли свои жилища. Пускай бусурманы, говорили они, жгут наши городки, мы в неделю выстроим новые. Скорее они устанут жечь, чем мы возобновлять их.

С началом весны, некоторая часть казаков, из всех городков собиралась в Раздорах, а потом в Черкасске. Всё лето до глубокой осени они располагались близ этих городков своим станом и составляли тем самым главное войско. Отсюда, по общему решению, отправлялись во все стороны небольшие казачьи отряды для поисков. В воинском стане вокруг главного городка соблюдалась строгая воинская организация. Выставлялась двойная цепь пикетов и выдвигались дальние конные разъезды. Это позволяло нести надёжную охрану войска, которое всегда было готово как для наступательных военных действий, так и для обороны, для отражения неожиданного нападения противника.

Месторасположение Черкаска, затапливаемого вешними водами и впоследствии обнесённого земляным валом, с расставленными вдоль него пушками, представляло неодолимую крепость, оплот казаков от возможных покушений неприятельской конницы, не имевшей артиллерии.

В главном войске жизнь всегда была ключом, а казаки в любой момент могли подняться по военной тревоге при первой же вести о вторжении неприятеля в пределы донской земли.

Войсковой или походный атаман с несколькими сотнями отважных наездников при получении такой вести немедленно устремлялся в тыл врага, и там сторожил его на перевозах, при бродах, или, скрываясь в засадах, внезапным натиском отбивал у врагов добычу и пленников.

Когда же в поход выступало все главное войско, то несколько отрядов численностью от 50 до 200 человек несокрушимым вихрем неслись в Тав-

риду, к ногаям, или под Азов. Украдкой, через целинные степные пространства, выдерживая направление своего движения по звёздам и солнцу, двигаясь преимущественно ночью или во время бури и другого сурового ненастья, эти небольшие казачьи отряды нападали врасплох на противника. Пользуясь смятением своих врагов, казаки быстро продвигались по улусам кочевников (улусы – районы расселения определённой части кочевых племён). С особой удачей донцы громили, жгли, грабили всё, что попадалось под руку. Они поступали как все завоеватели того времени и, конечно, стремились быстро уйти от возможной мести, прежде чем их враги опомнятся и соберутся для отражения внезапного нападения. Совершив удачный набег, удалые молодцы возвращались в главное войско с табунами коней и прелестными пленницами.

В проворстве, ловкостях, в воинских хитростях, применяемых в набеггах, казаки зачастую превосходили столь же дерзких, храбрых и неутомимых своих соперников из вольных степей. В поисках и походах, казаки, использовали малейшие возможности для скрытного продвижения: высокий ковыль, кустарник, овраг, балку, забор, то есть всё, что способствовало всаднику-невидимке. Этим воинским хитростям обучались не только сами воины, но и их верные спутники – лошади.

Казаки всегда стремились перенять чужой военный опыт и тут же его использовать для своих ратных дел. Так, они переняли способ переправы через широкие реки от кочевников. Для этого клали седло и вьюк на несколько пучков камыша, плотно связанных между собой (это называлось салой). Сложенный таким образом камыш привязывали к шее или к хвосту лошади. Сами же воины, держась за узду, пускались вплавь вместе со своими лошадьми.

Уровень специальной военной подготовки был настолько высок, что опытные казаки-вожаки, следуя впереди остальных, могли отличить на траве след неприятельской конницы. По сакме (по-татарски «навоз» – слово часто употреблялось казаками) вожаки узнавали, во сколько лошадей прошёл неприятель, в какую сторону и когда именно прошёл, в этот же день, или накануне, или несколько дней назад.

По сигналу внезапной общей тревоги казаки собирались из пяти-шести городков в один, в котором укреплялись и отсиживались. О появле-

нии неприятеля посыльные сообщали во все близлежащие окрестности, поэтому, где бы не появился противник, всюду ему оказывалось сопротивление.

Получив тревожную весть, станичные есаулы хватали знамя и во весь дух неслись по улицам, созывая молодцов на бой. Знак тревоги подавали также с помощью вестовой пушки или колокола. Услышав или увидев знак тревоги, старики и женщины немедленно перегоняли стада и табуны животных на острова или скрывали их посреди болот, в камышах. Лодки приковывали к берегу цепями или затопляли. Всё прочее имущество закапывали в ямы или погреба, устраиваемые по займищам (заливным лугам).

Таким образом, ведя удалую жизнь, казаки считали неприятелем любого, у кого можно было отнять зипун (кафтан из грубого, толстого сукна, обычно без ворота). Поэтому их называли также «зипунниками».

Самыми заклятыми врагами казаков были азовцы. Азов и казачьи станы разделяло открытое пространство примерно в 50 километров по прямой. Такое небольшое расстояние приводило к тому, что казаки и азовцы часто противостояли друг другу. По несколько раз в год они заключали между собой мир и тут же разрывали его. Впрочем, казаки не могли долго жить в мире, ибо в войне заключался основной источник доходов казачества. Война приносила богатую добычу в казачьи поселения.

Иногда, довольно редко, по настоянию русских князей, казаки терпели, воздерживались от войны с азовцами в течение месяца или более. При этом мир считался важным пожертвованием, за которое они не стеснялись укорять русских правителей. Так, в одном из писем подчёркивалось, «что для него терпят мир с азовцами, что он взял за себя всю волю их на воде и на суше; а у них-то и лучший зипун был, чтобы повся дни под Азов и на море ходить; и что, содержа долговременный мир, они останутся босы и голодны».

В отношениях с азовцами ни казаки, ни их противники не дорожили дружбой, не уважали достигнутых договорённостей, заключённых договоров. Нередко случалось так, что перемирие прерывалось в тот же день, когда было заключено. Происходило это оттого, что казакам в любой обстановке приходилось соблюдать военные предосторожности, поэтому их не волновала внезапная военная угроза. Только под давлением тяжёлой обстановки казаки вынужденно заключали мир. Однако, они считали бесче-

сьем просить мира, и говорили по этому поводу: «Мы даём мир, а просить его нам непригоже».

Каждое мирное соглашение сопровождалось установленными обрядами. Мирный договор утверждался присягой лучших атаманов со стороны казаков, а со стороны азовцев – шертованием бея или князя («шерть» – во многих восточных языках означает «договор», «обещание») и старейшин города. В этот момент казачье войско разменивало заложников, угощало мировщиков и доверенных лиц (т.е. парламентёров и посредников). Люди, бравшие на себя функции умиротворения, почитались казаками особо. Для них выделялся специальный запас, вино и мёд. Только после этого они отпускались. Из Азова обычно при заключении общего мира между Россией и Турцией, по велению султана, Донскому войску отправляли известное число котлов, соли, сетей и тысячу золотых монет.

В мирное время и казаки, и азовцы соблюдали только внешние признаки дружбы, торговли. Обе стороны ездили друг к другу в гости. Однако, казаки пользовались малейшим поводом к ссоре. Бывало, часто, что самая заурядная драка пьяного казака с азовцем служила поводом для начала военных действий. Это, естественно, поскольку казаки кормились войной, и для них оскорбление товарища воспринималось как оскорбление для всего казачества. Или, например, азовцы поймали казака на промысле и остригли ему усы и бороду. Тут же начиналась война. При этом войсковой атаман возвращал размирную. Необходимо отметить, что размирные грамоты казаки подписывали только с азовцами, а с другими врагами этого не делалось. Размирные грамоты обычно оканчивались следующей фразой: «Ныне всё великое Донское Войско приговорили с вами мир нарушить; вы бойтесь нас, а мы вас станем остерегаться. А се письмо и печать войсковая».

Несмотря на почти непрерывную войну и неукротимую независимость, донцы умели находить доброжелателей в самом Азове, которые за ласковое угощение, подкрепляемое деньгами и подарками, сообщали им все вести о делах и замыслах турков и татар. Этих людей не называли унижительным словом шпион или перемётчик. Их именовали добрыми приятелями, прикормленными людьми. В свою очередь, азовским туркам тоже

удавалось узнавать, что делается и что замышляется в Черкасске. Они тоже использовали тех же прикормленных людей, немногих перебежчиков и охриян (отступников).

Для пущей осторожности казаки стремились скрывать настоящее положение и старались не дать возможности узнать топографию своих мест проживания. По этой причине, когда они провозили турецких и крымских послов по Дону в Москву и обратно в Азов, то не выпускали их из чердаков – специальных кают на стругах (старинное речное деревянное плоскодонное судно) для знаменитых особ. Своим умением хранить военные тайны казаки нередко похвалялись. Они говорили: «Зипуны-то на нас серые, да умы бархатные».

Для того чтобы постоянно иметь большое количество лошадей для своего войска, казаки заготавливали на зиму много сена, которое всегда оставлялось в лугах, поскольку в городках было тесно и опасно сохранять его в случае пожара. Со всеми соседями существовала договоренность: ни при каких условиях сено не жечь. Городки разорь, людей бей, делай любые варварства, но сена не трогай. Такое правило позволяло сохранить скот, а главное – лошадей.

Необходимость жить и кормиться военной добычей, практически не сдерживала казаков в их военных походах. Нападали они и на русские земли, где совершали такие же грабежи, как и в других местах. Даже во времена Петра I они осмеливались разбойничать на Волге и в смежных с нею областях Российской империи.

Любой казак, задумав погулять, или как на Дону говорили, поохотиться, ни у кого не спрашивал на это разрешения. Никто из казачьих начальников не мог этого запретить. Чтобы исполнить свой замысел, казак выходил в своей станице на сборное место к станичной избе и, кидая вверх шапку, громко выкрикивал: «Атаманы-молодцы, послушайте!.. На сине море, на Чёрное поохотиться; на Куму иль на Кубань-реку за ясырьми (пленными); на Волгу-матушку рыбки половить; иль под Астрахань, на Низовье за добычею; иль в Сибирь пушистых зверей пострелять». Желающие поддержать задумку лихого казака в знак согласия также бросали шапки вверх и клали в шапку глашатая деньги. После сбора необходимого числа охотников, глашатай, называемый теперь вожаком (атаманом), шёл

со своими новыми друзьями в кабаки, или иное место кутежа. Впоследствии, когда на Дону были построены церкви, вся компания отправлялась в голубец (беседка, построенная на кладбище). Там, вдоволь напившись, выбирали казаки себе походного атамана, определяли день выступления в поход. После этого начиналась подготовка к походу. Люди богатые и чиновные, станичные атаманы, есаулы и простые зажиточные казаки за свой счёт строили лодки, снабжали бедных лошадьми, оружием, запасом и одеждой, но с условием получить после возвращения из похода половину причитающейся каждому из них добычи. Во время самого похода соблюдалась строгая военная субординация. Походный атаман имел право наказывать и даже казнить любого из избравших его. Однако, после возвращения домой всё становилось на свои места. Все казаки независимо от чинов расходились равными.

Особым уважением среди казаков пользовались только старшины, составлявшие совет и управу Донского войска. Они считались знатными людьми, хотя и избирались. После времён Петра I, войсковые старшины составили первое звено донской аристократии. Все, удостоенные звания войскового старшины, стали переселяться в Черкасск со всем семейством.

Было и другое особое отличие. Это казаки, называемые охотниками (отвагами). Именно так отмечались наиболее удалые наездники. Под словом «охотиться» казаки подразумевали двоякий образ: «за неприятелями и зверьми». К числу знаменитых охотников первого рода принадлежит Ермак Тимофеевич. В этом звании он совершил поход на Волгу. Он своим покорением Сибири обессмертил своё имя, стал достойной личностью в истории России.

Имена охотников хранит донская земля. Казаки никогда не называли себя разбойниками или ворами. Так именовались только те, кто выступал против своих собратьев или те, кто осмеливался промышлять в русских землях, когда войсковой круг решил от этого воздержаться или запретил такую охоту.

Казаки охотились малыми отрядами, численностью от 5 до 50 человек. В отрядах были и пешие воины, и конники, часто попарно или в одиночку. Но даже в столь малом количестве они отбивали у кочевников табуны, скот и брали ясырей, жен, детей, всё, что попадалось под руку.

Охота продолжалась до времён войскового атамана Степана Даниловича Ефремова (т.е. до 1755 г.). Затем она поуменьшилась, а первой половине XIX в. и вовсе прекратилась. В числе последних знаменитых охотников почитался Иван Матвеевич Краснощёков, наводивший страх и ужас на Кубани. Черкесы прозвали его Аксак (что значит «хромой»). От прострела ноги пулей Краснощёков хромал.

Существует легенда о поединке охотника Краснощёкова и горского джигита Овчара, который тоже любил охотиться. Богатыри знали друг друга по молве, а потому желали встретиться и встретились. Краснощёков узнал противника по осанке молодецкой и начал осторожно подбираться к нему, чтобы не упустить ясного сокола. Близ берега реки, над обрывом, у опушки леса, облокотясь и положив буйную голову на левую руку, распротёршись ниц, лежал Овчар перед огоньком. На вид казалось, что не слышит свиста бури и, греясь у костра, не чувствует холода и ненастья. Горский рыцарь был не новичок в своём ремесле, поэтому он почуял зверя издали, но с места не тронулся. Лежал и смотрел на огонёк будто, а на самом деле вкось всё видел и не торопился. Он выжидал, чтобы даром своей винтовки не марать. Краснощёкову предстояло решить трудную задачу, опасную задачу. У него имелось только короткое ружьё, а у врага было далеко. Ему податься назад было бы стыдно, да и удалому казаку это не по нраву. Он подумал, оглянулся и смекнул, как добиться своего. Пригнулся и пополз по густой траве, всё тишком и молчком. Так он приблизился на расстояние своего выстрела. И тут приникнув к земле, едва успев выставить на посошке в стороне от себя свою шапочку-трухменку (видимо, имевшую складки, что позволяло изменять её форму), как свистнула пуля и пронзила её насквозь. Тогда Аксак встал, подошёл к Овчару и в упор из ружья убил его наповал. Оружие джигита и резвый аргамак (порода этого жеребца долгие годы сохранялась в табунах знатоков под названием овчарской) достались Краснощёкову.

Подобные подвиги назывались донцами забавою, любимым упражнением. Их разбой в российских пределах, особенно на Волге, отличались редкими по буйству проделками. Так, в 1660 г. разбойничий атаман Васька Прокофьев охотился на Волге. Прибыв со своей шайкой на один из астраханских учугов (перебойка через реку с ловушками для ловли рыбы), он обнаружил, что учуг пуст. Тогда Прокофьев написал владельцу: «Были мы,

атаманы-молодцы, на твоём учуге, и не нашли в нём ничего. Приказываем: вышли туда 50 вёдер вина, 10 пудов мёда, 50 мешков пшеничной муки и опоки, что серебро льют. Если ослушаешься, атаманы-молодцы выжгут твои учуги, а буде сверх чаяния станешь жаловаться воеводе, то не пеняй на нас».

Знаменитые, отважные подвиги награждались обычно у казаков песней. Богатырские песни сложены о подвигах Ермака, Краснощёкова и многих других. Десятки лет пелись эти песни казаками напевом старинным и заунывным, с особым умилением и неопишуемым восторгом. Такая почесть, воздаваемая общественным мнением, справедливо почиталась превыше всяких наград, отвечала самому алчному славолюбию и поддерживала рыцарский дух в народе. Каждый казак, независимо от звания, мог заслужить её только личной храбростью и удальством.

Из числа славных охотников манычские казаки Мингал, Козин, Хопряшкины и Богаевцы стали последними, отличившимися отвагою и удальством. Из них наиболее известен Мингал, который воспет в песнях. Когорта знаменитых наездников, прославившихся во времена войскового атамана Алексея Ивановича Иловайского (около 1776 г.), прерывается и оканчивается делами двух братьев: Инжира и Фёдора Голомоновых, из которых последний был жив ещё в 1824 г.

Морские походы, хотя и более опасные, предпочитались казаками, поскольку считались наиболее прибыльными. Удивительно, но самые отважные поиски совершались на утлых судёнышках. Согласно жалованным грамотам русских правителей, Донскому войску отпускались на постройку лодок трубы. Так назывались ветловые (ивовые) и липовые деревья, из которых выколачивалась сердцевина. Каждая такая труба распиливалась пополам и составляла основу для двух лодок. К основанию или к дну, середине лодки прикреплялись рёбра, а с концов приделывались выгнутые коры (носовая часть лодки), которые снаружи до надлежащей высоты обивались досками.

По описанию вице-адмирала Крюйса (служил Петру I), суда донских казаков строились без палуб, корма и нос у них были острые. Длина лодок составляла от 50 до 70 и более футов (примерно от 15 до 21 метра и более). Ширина достигала 18 – 20 футов (от 5,5 до 6,1 метра). Лодки в своей над-

водной части снаружи покрывались снопами камыша, которые служили защитой на уровне груди казака от ружейной пальбы, а также придавали этим судам большую устойчивость при шторме. В хорошую погоду на лодках ставилась небольшая мачта с поднимаемым на нее парусом. Пользовались парусом только при попутном ветре, а при встречном или боковом ветре употреблялись вёсла. На каждой лодке было от 16 до 40 вёсел. В лодку садилось от 60 до 100 человек. Донские лодки имели на корме и на носу по рулю или загребному веслу.

Такая конструкция делала лодки казаков достаточно лёгкими и более быстроходными, чем татарские или турецкие суда. Долгое время лодки не имели пушек, но при Петре I их стали вооружать одним или двумя фалконетами (орудия калибром 45 – 100 мм, из которых стреляли преимущественно ядрами). Известная шаткость и слабое скрепление судов не позволяли вооружать их более тяжёлыми пушками. Нельзя было установить и большее количество пушек, поскольку конструкция такого плавсредства не выдерживала сильной пальбы.

В морском походе запас казаков составлял несколько бочонков пресной воды, проса, смеси из сухого хлеба и сухой рыбы, сушёного мяса, солёной рыбы и толокна. Водки в поход не брали, поскольку трезвость считалась залогом успеха в отважном деле. Одевались казаки в ветхую одежду. На их оружии не было никаких украшений. Свои полированные ружья они специально смачивали рассолом, чтобы поверхность немного поржавела. Эта деталь объяснялась так: «На ясном железе играет глаз вражеский».

Таким образом, шли казаки «добывать зипун», имея очень бедную наружность, чтобы тем самым лишить неприятеля даже малой надежды поживиться за их счёт.

Отплытие на поиски всегда сопровождалось умеренным торжественным обрядом, а возвращение праздновалось с шумом, гамом и прочими подобными радостями. В первом случае весь народ стекался к часовне (до середины XVII столетия у донских казаков не было церквей). Все вместе: и походное войско, и остававшиеся казаки слушали обедню и молебен Николаю Чудотворцу. Этому особо почитаемого в православии святого молили о покровительстве над собравшимися идти на поле брани. Затем выходили на площадь и пили прощальный ковш мёда и вина. Потом все прово-

жали походное войско до приготовленных судов. На берегу ещё раз на прощание выпивали по ковшу и оставались на месте до тех пор, пока весёлые ратники, напевая дружным хором: «Ты прости, ты прощай, наш тихий Дон Иванович», не терялись из вида. Только после этого, оставшиеся, чтобы, как они говорили, сгладить путь-дорожку, доканчивали недопитое, желая отплывшим победы и добычи.

На утлых челнах, грубо построенных, худо снабжённых и ещё хуже управляемых, без карты и компаса, по солнцу и звёздам, зная четыре стороны света, казаки переплывали бурное Чёрное море. А за морем громили прибрежные селения, брали приступом крепости. Так, в 1616 г. взяли город Синоп в Анатолии (Турция), в 1620 г. разорили монастырь близ Константинополя (Стамбул), в 1630 г. в Крыму взяли город Карасов, а в 1637 г. под их натиском пал Азов. И всё это только за два десятка лет.

Казакам удавалось брать на абордаж крупные, хорошо вооружённые корабли с одним ружьём и саблей в руках. Такая воинская доблесть обеспечивала им богатую добычу: драгоценные паволоки (ткань с отливом, слегка туманным отблеском), камку (старинная шёлковая узорчатая ткань), ковры, шёлковые материи, золотые и серебряные монеты. Всё это богатство они привозили в свои низкие землянки.

Сейчас порою трудно поверить в подобные подвиги на море. Но есть достоверные исторические сведения. В 1696 г. сам Пётр I на Азовском море донскими лодками взял на абордаж два линейных турецких корабля.

Невероятно, но казаки на слабых своих челнах умели проходить мимо Азовской крепости, у стен которой всегда стояли галеры и другие военные суда. Они преодолевали бом, сооружённый на всю ширину реки, укреплённый тремя железными цепями и с обеих сторон защищаемый перекрёстным картечным огнём. Объяснение этого факта можно найти только в дерзновенной отваге и мужестве. Обычно, в самую тёмную ночь, при сильном попутном ветре, в тумане и под проливным дождём пробирались они мимо укреплений, перетаскивали лодки через бом меж его связками. Также пользовались мелководными гирлами (рукав в дельте реки или приток, соединяющий лиман с морем), где военные суда не могли преследовать лодки, поскольку могли сесть на мель. В результате такой тактики казаки выходили в открытое море часто без малейших потерь. Иногда они

применяли своеобразный приём: пускали по воде бревна, которые ударяли в бом, и держали в постоянной тревоге турецкий гарнизон, чем доводили его до того, что турки не обращали внимания на плавни. Тогда-то донцы без единого выстрела проскакивали мимо крепости. Впоследствии казакам надоело тратить усилия на обманные манёвры, тем более, что они не всегда удавались. С казачьим упорством и смекалкой они решили проблему. Взяли и прорыли в 1672 г. между Калачей и Мёртвым Донцом свой Казачий ерик (канал), через который они уже свободно выходили в море. А иногда, поднявшись вверх по Дону, казаки перевозили свои струги сухим путём на Миус и по этой реке выплывали в море.

Азовский паша, как только узнавал о появлении на море донской флотилии, тут же во все стороны и по берегам моря посылал гонцов с предостережением для жителей различных селений. Получив известие, они заблаговременно с имуществом уходили в степь, оставляя опасный берег моря. Однако, казаки, пользуясь попутным ветром, порою упреждали гонцов, выходили на берег в скрытых местах, старались нападать врасплох, и смелым, быстрым натиском брали приморские крепости и селения. Подобно партизанам, донцы уклонялись от превосходящих сил противника и появлялись там, где их меньше всего ждали. Они быстро хватали, что им попадалось под руку, грузили добычу на суда и поспешно скрывались или отплывали дальше на новые поиски. Походные атаманы проявляли осторожность и совершали нападения там, где была возможность приобрести богатую военную добычу с наименьшими потерями. При отсутствии надежды на успех они возвращались на Дон в свои юрты (поселения). Если же приходилось вступать в бой с многочисленными отрядами врагов, казаки отступали к морскому берегу, входили в устье рек, и там затопляли свои суда в камышах и рассыпались врозь. А затем, когда опасность миновала, донцы вновь собирались к судам, выливали из них воду, приправляли вёсла и как ни в чём, ни бывало, пускались в дальнейшее плавание по морю.

В открытом море применялась другая тактика. Если с попутным ветром показывалось несколько военных кораблей, то донские охотники немедленно опускали парус и мачту, а также изо всех сил гребли против ветра, стараясь заблаговременно удалиться от них. В случае близости прибрежной полосы или мели они немедленно уходили в ту сторону, не опасаясь

ясь в таких местах нападения. При встрече же с кораблём или галерою, слабо вооружёнными пушками, казаки с учётом направления ветра обходили судно таким образом, чтобы к вечеру солнце было позади их лодок и светило прямо в глаза неприятелю. Примерно за час до захода солнца они приближались к кораблю на расстояние трёх-четырёх вёрст, а с наступлением ночи подходили ближе, окружали его и неожиданно пришвартовывались к галере сбоку, а к кораблю с кормы или с носа. С помощью таких приёмов донцы очень часто брали неприятеля врасплох или же своим превосходством в численности воинов. Беспечность турок и здравый расчёт казаков обеспечивали военные успехи донцам.

Отважные охотники не боялись во время полного безветрия открыто нападать на корабли, которые неподвижной армадой стояли посреди моря. В таких схватках им удавалось одерживать победу. При умеренном ветре, когда не поднималась большая волна, казаки брали прямо на abordаж безоружные купеческие суда, не предпринимая никаких предосторожностей. Они забирали деньги, негромоздкие товары, оружие, небольшие пушки и всё то, что можно было легко разместить в их лодках. Ограбленный, корабль со всем экипажем пускали на дно, прорубая его подводную часть. Так делали они потому, что управлять большим кораблём на море донцы не умели, да и провести его к Черкасску мимо Азова было трудно. Мешали не только крепость, но и мелководья.

В морских боях казаки теряли много людей, поскольку пока приставали к кораблю и взбирались на него, неприятель отвечал губительной картечью и меткой ружейной стрельбой. А если по несчастью их замечали с кораблей ясным днём, при свежем ветре и на открытом морском пространстве, вдали от берегов и мелей, да с попутным ветром для врагов, то настигала отважных мореходов в большинстве своём неминуемая гибель. Военный корабль на всех парусах давил лодки своим носом, осыпал ядрами, картечью и пускал на дно, не щадя даже сдававшихся. При такой злощастной встрече, часто случающейся на море, казачьи лодки, как стая робких птиц, рассеивались и старались куда-нибудь удалиться от корабля. В этих столкновениях число лодок и превосходящая численность людей не давали никакого преимущества. И чем теснее плыли казачьи челны, тем

более верная гибель их ждала. Только малой доле счастливиц удалось выбраться живыми из такой переделки.

Много лодок погибало и от морских бурь, и от недостаточного опыта кормчего. Однако, всё равно находились удалыцы, которые предавались опасностям с постоянным мужеством и отвагой. И кому-то из них действительно везло. Им удавалось избежать столкновения о скалы, уберечься при недостатке воды и запасов от преследований врагов, которые при первой же возможности высылали военные корабли для нападения на казаков. Преодолев все эти трудности, морские охотники редко возвращались из похода, не потеряв менее половины своих сподвижников. Но даже такие потери не отучили донцов от морских поисков. В поход звала богатая военная добыча.

Когда же на обратном пути казаки, миновав все опасности, попадали на родной Дон, то на некотором расстоянии от Черкаска они останавливались и поровну делили меж собой добычу. Эта традиция получила оригинальное название – дуван дуванить (буквально: распределять награбленное). Одного ясыря (пленных) в результате походов казаков собиралось на Дону порой до трёх тысяч и более. Донцы вели торговлю пленными. Так, цена выкупа за пашу доходила до тридцати тысяч золотых монет. Рядовых воинов и простолюдинов выменивали на русских пленников. Много сотен пленников попадало из Украины в Азов. Для торговли, обмена и выкупа пленников было отведено специальное место. Близ нижних юртов существовал окупной яр (разменное место). На эти своеобразные торги выставлялись в качестве товара женщины. Жён знатных мурз отдавали за выкуп. Других женщин часто оставляли и стремились приветливым обхождением закрепить на постоянное место жительства на Дону. После крещения на бывших пленницах женились, а в более раннее время содержали их в качестве любовниц. Когда же обряд бракосочетания вошёл в постоянное русло традиции, то жёны зажиточных казаков иногда брали к себе пленниц в дом для помощи в ведении домашнего хозяйства или в качестве собеседниц.

После удачных поисков возвращавшееся войско встречали с особыми торжественными почестями. Чтобы такая встреча была подготовлена заранее, посылались известие. Пока возвращавшиеся из похода делили добычу, походный атаман извещал войскового атамана о своём приезде. Все ратни-

ки, находившиеся в Черкасске и составлявшие главное войско, по приглашению есаулов собирались у пристани, где поджидали возвращающихся из похода. Победители, одетые в лучшие из добытых одежд, с распущенными знамёнами и песнями, подъезжая, приветствовали стоящих на берегу ружейными выстрелами. В ответ на это им отвечали из крепости пальбой из пушек. Суда останавливались напротив часовни. После того как отпевался благодарственный молебен, прибывшие воины смешивались с ожидавшими их родными и товарищами. Иначе говоря, казаки верили, что всякий успех связан с божьей волей. По завершению молебна начинались взаимные поздравления. Возвратившиеся из похода показывали своим друзьям добычу, преподносили подарки. А затем тут же у пристани или на городской площади, усевшись в кружки, пили вино и крепкий мёд. Под шум пира, за дружеским ковшем хвалились победители своими подвигами. И, конечно же, для красного словца порой рассказы получались сильно преувеличивающими их достижения. На то она и мужская компания.

Вообще надо отметить, что все вопросы казаки решали демократически-анархическим путём. Собирались они или по заранее полученному извещению, или сполуху (по срочному призыву) на площади возле войсковой избы. Когда собиралось много народа, войсковой атаман, окружённый начальниками и бывалыми людьми, выходил на круг. Перед ним шли войсковые есаулы и выносились войсковые регалии. Сам атаман нёс булаву в руках (знак его власти). Он выходил из избы и останавливался посредине общего скопления народа. Есаулы, положив свои жезлы и шапки на землю, читали молитву и кланялись вначале атаману, а потом на все четыре стороны казакам. После этого они брали свои жезлы и шапки, подходили к атаману и, получив от него приказание, провозглашали: «Помолчите, атаманы-молодцы и всё Великое Войско Донское!» Затем есаулы объясняли суть дела, по которому собрался круг. В конце своей речи они вопрошали: «Любо ли Вам, атаманы-молодцы?». В ответ со всех сторон казаки кричали: «Любо» или «Не любо». В последнем случае атаман сам ещё раз объяснял дело, толковал его пользу, склонял к своему мнению. Однако, его разъяснения не всегда убеждали казаков. Воля войскового круга становилась окончательным решением. Иных законов донцы не знали, а письменных законоустановлений у них не существовало. Все дела решались по

большинству голосов.

Судебные приговоры круга исполнял войсковой есаул. Он приходил к осуждённому и объявлял ему, что войско требует его головы, руки или ока. Казнь совершалась немедленно. Вообще два войсковых есаула заведовали войсковыми доходами, своеобразной донской полицией, казнями и охраной столичного городка.

При сборе в поход войсковые начальники старательно стремились скрыть намерения донских казаков. Для этого решения на кругу принимались в обобщённой форме: идти на море или идти в поход. При таком решении скрывалась не только военная тайна, но и истинные намерения руководителей войска.

Избрание войсковых атаманов и других предводителей протекало шумно и довольно редко обходились без драки. Здесь всякий хотел настоять на своём. Необходимо было большое искусство и гибкость характера, чтобы обуздать страсти, чтобы склонить большинство народа в свою пользу.

Сменяемый атаман, сняв шапку, кланялся казакам на все четыре стороны, а потом смиренно клал булаву на стол, поставленный посредине круга. Вновь избранный атаман, приняв булаву из рук есаула, также кланялся, благодарил за честь и клялся атаманам-казакам не щадить жизни для Отечества и радеть об общем благе.

Провинившиеся казаки, осуждённые или как-то наказанные в голосовании не участвовали. Им прощали вину с условием её возмещения кровью в каком-нибудь отважном мероприятии. Эти преступники назывались пенными. Они по приговору круга как бы лишались права гражданства. Их любой мог бить и грабить, не опасаясь при этом никакого наказания в войске.

Из старинных войсковых регалий донских казаков известен ряд предметов. Во-первых, богатое украшенное знамя, называемое **бунчук белый**. Его носили впереди войскового атамана, когда он сам отправлялся в поход. (Хотя в переводе с тюркского, бунчук – это длинное древко с металлическим шаром или остриём, прядями конских волос и кистями на верхнем конце). Во-вторых, **булава** и **пернач**. (Булава – ударное холодное оружие в виде каменной или металлической головки, насаженной на короткую деревянную рукоятку, длиной 0,5 – 0,6 метра. Пернач или пернат – древнерус-

ское ударное холодное оружие, разновидность булавы. Состоит из короткого древка с насаженной на конце головкой из 10 и более металлических перьев. Отсюда и происходит его название). Это оружие служило знаками власти. Булава и пернач вручались войсковым атаманам сразу после их избрания. В-третьих, **бобылев хвост**. Это то же, что и турецкий санджак. Бобылем называли коня, чисто белого. Бобылев хвост состоит из древка, у которого вместо набалдашника золотой шар. (Сверху он украшался в более позднее время двуглавым орлом, который отражал признание власти российских монархов). Из шара как бы вырастал белый конский хвост. Этот знак в войсковом кругу означал волю.

С укреплением влияния московских правителей у казаков появился обычай встречать будару (лодка типа баржи). На бударах сплавалось по Дону от Воронежа царское жалование (деньги, мука, вино, порох, свинец). Будару называли и казной. Для получения жалования в Москву отправлялось специальное посольство (станица) во главе с атаманом зимовой станицы и с одним войсковым старшиной. Это посольство при возвращении на Дон торжественно встречалось и провожалось до Черкаска. В зимовую станицу отбирались лучшие казаки. Постоянное жалование в форме будары установилось с 1618 г. при Михаиле Федоровиче. С 1809 г. праздник будары прекратил существование, поскольку по представлению наказного атамана было введено денежное довольствие.

До 1680 г., как указывают исторические источники, большая часть казаков вела безбрачную жизнь. В ином городке было один – двое женатых. Казаки опасались проникновения в своё сердце прелестей любви. Юноша, одолеваемый нежной любовной страстью, в кругу своих товарищей подвергался колким насмешкам. Постепенно с увеличением населения и усилением личной безопасности появилась возможность обзаводиться семьей. Первоначально казаки выбирали себе жён из числа прелестных пленниц. Изменялось и их отношение к семье. Детей женатого казака нянчили всей станицей. Однако, не все донцы венчались в церкви по церковному уставу.

В ранний период своего существования большинство казаков ограничивалось при заключении брака одним объявлением перед народом об избранной ими жене. Для этого жених и невеста приходили вместе на собрание народа на площадь или к станичной избе. Помолясь Богу, кланялись

они на все четыре стороны, и жених, назвав невесту по имени, говорил: «Ты, будь мне жена». Невеста, поклонившись ему в ноги, отвечала так же, называя его по имени: «А ты, будь мне муж». После этих слов они целовали друг друга и принимали от всего собрания поздравления. Утверждённое таким образом бракосочетание (супружество) считалось законным. Этот обряд в старину был всеобщим у казаков. Даже после распространения церковного обряда бракосочетания донцы предварительно исполняли свой старинный обычай.

Насколько легко по обычаям казаков заключался брак, настолько же быстро брачный союз расторгался. Отправляясь в дальний поход или просто под предлогом, что жена ему не нравилась, лихой молодец обычно бросал свою землянку, а жену продавал. Для этого жену выводили на круг и говорили: «Не любя!» Если кому-то она нравилась, то продавали её, слегка поторговавшись. Очень часто уступали жену за харчи, нужные в походе, при том в таком количестве, сколько можно навьючить на лошадь, не обременяя своего верного спутника. Купивший отказную жену, прикрывал её полою кафтана и соблюдал вышеописанный обряд, то есть говорил перед народом: «Ты, будь мне жена» и т.д. Прикрытие полою казаки считали важным символом. Это означало снятие с отказной жены бесчестия развода. Бывало так, что за своеобразным разводом практически сразу следовал новый брак.

Эти простые брачные обряды, тем не менее, соблюдались очень строго. Сожительство без выполнения описанного обряда порою наказывалось лишением жизни, ибо считалось у донских казаков прелюбодеянием.

Власть мужа над женой была неограниченна. Это являлось одной из черт народного духа. Тем самым прелестный пол долгое время не имел сильного влияния на уклад жизни казаков, на смягчение их нравов. Женщины в своей жизни ограничивались кругом семьи и редкими знакомствами с соседками. Они не имели права участвовать в беседах и делах мужчин. Однако, нельзя сказать, что они были закабалены. Очень часто женщины, так же как и мужчины, вели праздный, разгульный образ жизни, мало думали о доме и хозяйстве. Прелестные существа, переходя из рук в руки, столь мало уважались, что какого бы происхождения они ни были, в

их обязанность входило: уступать дорогу всякому казаку и кланяться всякому старику в пояс. Такова цена их относительной свободы.

Надо отметить, что бедные казаки не женились вовсе. Зажиточные могли доставить своей жене и ковры персидские, и шали турецкие, и ткани узорчатые. В дрянном домишке, возлегая на сравнительно роскошном ложе в пышной одежде, поджидала казачка своего мужа с майдана или станичной избы, и своими ласками она была обязана услаждать досуг мирного времени, которым всякий казак тяготился. Его тянуло на «сине море, на Чёрное, на Куму или Кубань за ясырями, на Волгу-матушку или под Астрахань, на Низовье за добычею...».

Семейные казаки жили в отдельных куренях (домовладениях). Холостые казаки объединялись в общества от десяти до двадцати человек. Дичь, рыба, получаемый от царя и покупаемый с базара хлеб, – всё делилось в этих обществах поровну, как бы из общей суммы. Отсюда и происходит долго сохранявшееся среди донских казаков самоназвание односума, хотя можно его рассматривать и в смысле товарищ.

Отношение к брачной жизни как к уступке человеческой слабости не способствовало естественному приросту населения. Увеличение численности донских казаков происходило за счёт новых, взрослых поселенцев. Они прибывали из России, Украины, Польши, Турции, Крыма, из степей Северного Кавказа и Нижней Волги. Попадались молодцы каторжные, драные и рваные, прошедшие огонь и воду. Донские фамилии – это живое свидетельство бурного раннего периода истории донского казачества: Черкасовы, Грековы, Туркины, Поляковы, Татаркины и т.д.

Особое молодечество не мешало казакам искренне верить в Бога, быть православными. Отправляясь даже на непозволительный промысел (зазорный по казачьим меркам), например, просто сидя под мостом грабить проезжающих по дороге, они усердно молились Николаю Угоднику и всех святых призывали в молитвах на помощь, обещая в случае удачи отдать часть из добычи.

Для богоугодных приношений казаки избрали два монастыря: 1) Никольский южнее Воронежа в Борщёве; 2) Рождественский Чернеев в Шацке. В божественном порыве донцы ничего не жалели для обогащения этих монастырей. Для отлития колоколов жертвовали отнятыми у неприятеля

испорченными пушками. На украшение ризниц (помещений при церквях для хранения одежды священников и церковной утвари) и иконостасов (покрытая иконами стена, отделяющая алтарь – восточную часть христианского храма, от остальной части внутреннего объёма церкви) казаки отдавали немало серебра, золота, жемчуга и драгоценных камней. В этих монастырях, утратившие силу воевать казаки, посвящались в монахи. Получившие увечья и раненые находили приют, покой и обеспеченную жизнь как в инвалидном доме. Здесь же хранились и частные достояния, особо дорогие вещи, которые нельзя было оставить в городках, где существовала опасность вражеского вторжения.

Первую церковь на Дону выстроили в 1660 году. Она получила название церкви Вознесения Христова. Священников тогда насчитывались единицы, поэтому церковные обряды поддерживались стариками, для которых беспокойная казачья доля оказывалась уже не под силу.

Своеобразная боевая жизнь казаков выработала у них свой кодекс нравственности. Воровство и обман между своими считались гнуснейшими преступлениями. Храбрость и целомудрие признавались величайшими добродетелями. В наказаниях казаки не знали особой градации. Мелочные проступки оставались без внимания. Но за серьёзные, по понятиям казаков, преступления наказание по своей строгости оставляло за собой законы Ликурга (легендарный спартанский законодатель IX – VIII вв. до н. э.). За измену, трусость, убийство, воровство и прелюбодеяние существовала одна казнь, выражаемая словами «в куль, да в воду» (то есть, преступника сажали в мешок, завязывали мешок накрепко и бросали в реку). Однако, эти правила нравственности действовали только на донской земле, но не в стане врагов.

Типичными чертами характера казаков были доброта и честность. Они не двоерушничали, не носили маски, а действовали открыто. История не предоставляет нам примеров безумной жестокости казаков по отношению к их пленникам и пленницам.

В столице Донского войска всегда было большое стечение народа. Сюда помимо казаков собирались торговые люди из украинских городов, которые добирались сухопутными и водным путями. Приезжали турецкие послы с большими свитами. Постоянно навещали посольные из Астраха-

ни, из украинских городов, чтобы узнать последние вести на Дону. Прибывали запорожцы для объединения усилий в морских поисках. Для совместного вольного промысла приходили волжские, терские и яицкие казаки. В этом постоянном водовороте людей казаки выделялись своим внешним видом. Их одежда, уборы и оружие принадлежали разным племенам и народам. Собственно своих одежд у них не водилось. Русские, турецкие, черкесские и татарские одежды составляли пёстрый внешний вид, иногда по цветовой гамме и сочетанию вещей весьма и весьма странный. Кого-то можно было увидеть в лазоревом настрофильном (имевшем на уровне плечей двойной слой ткани, составляющей своеобразный капюшон) зипуне и с жемчужным ожерельем. Другой красовался в бархатном полукафтани и в лаптях. Третий щеголял в смуром русском кафтанчике, в сапогах шитых золотом, прихватив с собой булатную черкесскую шашку и богатый турецкий сайдак (лук). Иной же поверх одежды натягивал тафтяную рубашку (шила из тонкой глянцевитой шёлковой или хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения), а в руках держал русскую рогатину и вместо плаща набрасывал на себя узорчатый ковёр. Практически все казаки носили шёлковые персидские кушаки (обычно матерчатый пояс) и имели турецкие богатые ружья и булатные ножи с черенками (ручками) из рыбьего зуба.

Будучи людьми не притязательными, казаки порой в одежде из бархата и атласа, желая блеснуть перед приезжими, преспокойно садились на землю посреди грязной улицы.

Старые донцы проводили время в беззаботной праздности и любили повеселиться в дружеских беседах. Вообще накормить и напоить приезжего считалось почётной обязанностью хозяина. В серебряных чашках подавали вино и крепкий мёд. Других же напитков не признавали. Особенно уважали вино. И не было лучшей похвалы для угощения хозяина как слова: «Я у него был и вино пил».

Столь же весело проводили время не только в столице, но и в других городках. Обычно каждый день собирались казаки на площадь или к становой избе погутарить (поговорить). Сидя в мужском кружке, они вязали сети и тенёты (сети для ловли зверей). Во время работы слушали рассказ одного из пожилых своих собратьев о молодецких его походах (вот откуда знаменитый образ деда Щукаря) и восхищались подвигами товарищей.

Также пели богатырские песни, начиная их припевом: «Да, вздунай на дуна-на, вздунай, Дунай». Жили станичники истинно по-братски. Если кто-то придёт с охоты с дичью или наловит рыбы, отведывали её вместе. Хозяин же ничего не оставлял себе на про запас.

На майдане (майдан – по-турецки «площадь»). Этим словом порой также называли станичную или стантовую избу) старики играли в шашки или в зернь (мелкие золотые, серебряные или медные шарики). Молодые казаки играли на площади в кости и бабки (кость из надкопытного сустава животного. В игре броском сбивались бабки, установленные на расстоянии). Игра в бабки позволяла приобретать такую меткость, что, запуская руками камень, удалые донцы убивали птиц и зайцев.

Такая привольная и братская жизнь сильно привязывала казаков к родине. Они славили свой тихий Дон, называя его «кормилец родимый». В плену ли, на смертном одре, казак, прощаясь со всем, что имел драгоценного в своей жизни, всегда обращался к Дону: «Ты прости, мой тихий Дои Иванович! Мне по тебе не ездити, дикого зверя не стреливать, вкусной рыбы не лавливать».

В целом же, казаки жили в ранний период своей истории достаточно бедно. Своей кровью они покупали временное довольство, мало заботясь о будущем, о накоплении богатств. Вот что писал войсковой атаман в 1682 году крымскому хану: «В ответ-же на твои угрозы, что если мы взятое твоё за Перекопом и в иных местах не пришлём, то ты, хан Мурат, пришлешь на нас твоих зипунников один отряд за другим и всем нашим 32 городкам покоя не дашь ни весною, ни летом, ни зимою, а и сам ты, хан Мурат-Гирей, с великой ратью и большим собранием придешь к нам зимним путём по льду. Зачем тебе так далеко забиваться? Мы люди небогатые, стад конских и животных у нас мало, городки наши не корыстны, оплетены плетнями, обвешанными тёрном, и добывать их нужно твёрдыми головами, на посечение которых у нас есть сильные руки, острые сабли и меткие пищали». Есть что-то величественное в этом письме, в этом ответе свободных, вольных людей.

Жизнь свободных казаков и внешнее их изобилие соблазняли простолюдинов из всех областей земли Русской. Целыми ватагами переходили они на Дон. Часто и русские торговцы, продав или променяв свои товары на избытки казачьей добычи, ходили вместе с казаками в поход. А потом,

полюбив и получив навыки казачьего ремесла, оставались жить на Дону. Дон принимал всех, кто любил его и чтит законы казаков.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ СЕГОДНЯ
(по материалам социологических исследований
1991 – 1992 гг.)

В последние годы мы стали свидетелями расширения демократического пространства в политической системе российского общества. Предпосылкой этого процесса служит развитие начал демократии: организационно-деятельного, социально-коммуникационного, гуманитарно-гражданского, институционально-правового. В этих условиях партии не обеспечивают необходимого демократического пространства в отношениях власти и граждан. Партиям мешает их идеологический консерватизм. Поэтому всё больший авторитет приобретает акционизм. В рамках этих подходов действует и возрождающееся казачество. Оно как новый субъект политики на Дону стремится создать в результате нетрадиционной для предшествующей советской эпохи деятельности новое демократическое пространство, или, по крайней мере, обновить «перестроечные» политические сооружения. Однако, парадокс состоит в том, что новому казачеству в большинстве своих акций практически не удаётся выйти за пределы советской мифологии.

К настоящему моменту казачье движение отказалось от недавней основной линии на социокультурное возрождение и превратилось в самостоятельную политическую силу. С этой политической силой уже вынуждены считаться не только политические партии, но и властные структуры, особенно в сельских районах.

Многие факты в политических акциях казачества объясняются его социальной демографией. По данным проведённого нами социологического исследования (г. Новочеркасск, октябрь 1991 года) среди активных сторонников возрождения казачества 29,17 % служащих госучреждений, 27,78 % студентов вузов и учащихся техникумов, 12,5 % работников промышленности, 8,33 % пенсионеров, 5,56 % работников малых предприятий. По возрасту: 18 – 24 года – 31,94 %, 25 – 34 года – 25 %, 35 – 44 года – 15,28 %, 45 – 59 лет – 16,67 %, 60 лет и старше – 11,11 %. Социальной опорой казачества в нашем городе по результатам названного социологи-

ческого опроса можно считать студентов, работников малых предприятий, транспорта и связи, просвещения, сельского хозяйства и пенсионеров.

В возрождении традиций казачества заключён большой созидательный потенциал. Не случайно, этот процесс поддержала по данным названного исследования почти половина опрошенных (48,17 %). Но, несмотря на это, за восстановление казачьей системы управления высказывались только 6,8 % опрошенных новочеркасцев. Очевидно, что горожане настороженно относятся к последствиям введения казачьей системы самоуправления. Вероятно, это происходит потому, что люди не понимают сущности демократических и этнических традиций, которые исторически существовали в Области Войска Донского. Несомненно и то, что сегодня эти прекрасные традиции подменяются патриархальным варварством и системой властных отношений, привнесённых на Дон извне политическими режимами. Поэтому в общественном мнении, в сознании значительной части населения города Новочеркасска проявляется настороженное отношение к возможным последствиям введения казачьей системы управления. Кстати, среди активных сторонников казачьего движения только 40,28 % выдвигают введение казачьей системы управления в качестве приоритетной задачи в совершенствовании местного самоуправления.

Сравнение рейтинговых оценок, выстроенных по трём шкалам: а) по степени убывания положительных оценок, б) по степени возрастания отрицательных оценок, в) по степени возрастания неинформированности (или неоднозначности оценок), позволяет сделать вывод, что именно казачье движение находится в центре политической жизни города Новочеркасска. Однако, противоречивость всего спектра оценок свидетельствует о наличии источников конфликтных ситуаций как внутри самого движения, так и вокруг него. При этом в общественном мнении гармонизация деятельности политических сил признана неактуальной задачей. Эту идею поддержали всего лишь 7,48 % опрошенных. Такая же ситуация и среди представителей казачьего движения (9,7 %).

Влияние политического ландшафта на процесс возрождения казачества достаточно сильно. Из исторического прошлого ныне извлекаются идеи и традиции, весьма созвучные при непредвзятом взгляде недавнему прошлому. Так вполне как гипноз идеи равенства можно рассматривать стремление к господствующему положению казачьего круга. Любопытен и

тот факт, что, оценивая принципы деятельности общественно-политических движений, представители казачества высказали свою приверженность демократическим реформам (40,28 %). Впрочем, сильно и непонимание этой задачи (26,39 % ответили отрицательно и 33,33 % затруднились с ответом).

В последнее время в казачье движение начался прилив здравомыслящей интеллигенции. Но он ещё не на столько силён, чтобы удалось сдерживать большевистский натиск в политических акциях, проводимых казачеством. Расчёт на здравомыслящих лидеров связан с тем, что личные качества в оценке представителями казачьего движения политических руководителей играют решающую роль (59,72 % опрошенных).

Процесс историко-культурного возрождения донского казачества идёт параллельно с процессом возрождения православия. Преобладающее большинство среди представителей казачьего движения г. Новочеркаска поддерживают возрождение православия (70,83 % опрошенных). Против этого, тем не менее, выступает примерно каждый десятый, причисляющий себя к казачьему движению (11,11 %). Пока размышляют над проблемой и не решили её для себя окончательно 18,06 % опрошенных респондентов.

В июле 1992 года российская социологическая служба «Мониторинг» провела изучение общественного мнения населения Ростовской области. Учёные пытались выяснить отношение к возрождению донского казачества и связанные с этим процессом изменения в сознании и поведении людей. Приведём некоторые данные, взятые из материалов этого исследования.

В соответствии с данными переписи населения 1926 года доля казаков в общей численности населения Дона составляла около 20 %, что более чем в два раза меньше доли казаков в донском населении 1916 года (42,3 %). Это объясняется прямыми репрессиями и утратой сословного статуса.

Сегодня человек может быть идентифицирован с казачеством по трём основным критериям: кровное происхождение; самоидентификация (т.е. мнение о себе: «я – казак»); внешняя идентификация (т.е. мнение окружающих: «он – казак»).

На вопрос: «Относите ли Вы себя к казачеству? Да или нет?» – 28 %

опрошенных респондентов ответили утвердительно, 60 % – чётко сказали «нет», а свыше 10 % – затруднились ответить. Метод внешней идентификации (сколько знакомых – казаки) дал среднюю оценку – 28,3 %.

Учитывая поисковый характер исследования, можно сделать вывод, оценка численности казачества в 28 % от населения Ростовской области (т.е. свыше миллиона человек) может быть рассмотрена как рабочая гипотеза. Причём, рассматривать эту численность необходимо скорее как факт общественного сознания, чем как факт практической деятельности и поведения людей.

Среди женщин самоидентификация себя с казачеством распространена почти в два раза меньше, чем среди мужчин. По возрасту среди тех, кто относит себя к казачеству, на 12 % больше, чем среди неказачьих людей старшего возраста (свыше 50 лет) и на 9 % меньше молодёжи (до 30 лет). По образовательному уровню среди казаков на 7 % меньше людей с высшим и неполным высшим образованием и на 3,6 % больше людей с неполным средним образованием. Обе эти тенденции – старший возраст и меньший образовательный уровень казачества не столь чётко выражены, чтобы делать однозначные выводы о социальном портрете казачества, но всё же явственно присутствуют.

По роду занятий казачество отличается от неказачьих следующими параметрами: среди казаков на 10 % больше крестьян, на 12 % меньше служащих и ИТР, на 7 % больше пенсионеров и на 6 % меньше учащихся. Рабочие и предприниматели в равной степени представлены и в казачьем, и в остальном населении области.

Естественно, что доля горожан значительно выше среди неказачьего населения. Однако, и среди людей, причисляющих себя к казачеству, – 51 % жителей городов Ростовской области.

На вопрос: «Сегодня в России возрождается казачество. Как Вы относитесь к этому процессу – положительно или отрицательно?» – получено следующее распределение ответов:

- 40,8 % – положительно;
- 18,5 % – скорее положительно, чем отрицательно;
- 10,1 % – скорее отрицательно, чем положительно;
- 15,9 % – отрицательно;
- 14,5 % – затрудняюсь ответить.

В качестве обобщённого выражения общественного мнения (вектора)

можно использовать алгебраическую сумму всех положительных и отрицательных ответов. В данном случае отношение жителей Ростовской области к казачеству выражено коэффициентом, равным +33,3.

Вместе с тем, решающим фактором является существенное различие в оценке казачества среди самих казаков и тех, кто казаками себя не считает:

	Казаки	Неказаки
Положительно	67,3 %	26,7 %
Скорее положительно, чем отрицательно	19,9 %	16,9 %
Скорее отрицательно, чем положительно	2,3 %	14,3 %
Отрицательно	6,2 %	22,8 %
Алгебраическая сумма:	+78,5	+6,5

Таким образом, 37 % среди неказаков отрицательно относятся к возрождению казачества. Столь существенное различие в оценках казачества «изнутри» и «снаружи» этой формирующейся социальной общности может служить источником напряжённости в регионе. Одной из причин является разное представление о природе казачества, различие в восприятии той мотивации, которая заставляет возрождать сегодня казачество. Различия в этих восприятиях проиллюстрированы в таблице:

	Весь массив	Казаки	Неказаки
Кровное происхождение	34,7 %	49,1 %	27,5 %
Проживание на обжитой казаками территории	38,6 %	50,9 %	32,0 %
Влияние родственников, друзей	11,1 %	8,8 %	11,8 %
Возможность чувствовать себя более защищённым в трудное время перемен, распрей	23,9 %	28,1 %	22,5 %
Духовное влияние казачества	17,7 %	25,1 %	13,8 %
Мода, популярность движения среди местного населения	23,1 %	10,5 %	30,9 %
Необходимость защиты России от внешней опасности	24,3 %	31,6 %	20,5 %
Необходимость защиты россиян от внутренней опасности	18,5 %	22,2 %	15,4 %
Необходимость защиты России и россиян от чуждого нашему духу влияния	9,4 %	11,7 %	8,4 %
Опасно не примкнуть к казачеству – возможны притеснения со стороны его наиболее активных сторонников	5,7 %	1,2 %	7,9 %
Затрудняюсь ответить	2,8 %	–	4,3 %

Проанализировав таблицу, можно сделать вывод: казаки воспринима-

ют себя как реальную общность, детерминированную объективными факторами: кровным родством, проживанием на исторически заселённых казачьих землях, духовным влиянием казачества, необходимостью защиты от внешней и внутренней угрозы. Неказаки воспринимают возрождающееся казачество в значительной степени как мнимую общность, основанную на внешних, временных, случайных, наносных факторах: моде, влиянии родственников, друзей, угрозе возможных притеснений со стороны ретивых сторонников казачества, борьбе за власть, конъюнктуре.

Вопрос о земле. К началу 1917 года структура землевладения на Дону выглядела так: казаки, составлявшие 42,3 % донского населения, владели 64,5 % земли, «коренные крестьяне», составлявшие 25,5 % населения, имели 3,9 % земель, помещикам принадлежало 15,0 % земли, калмыкам – 3,8 %, а 18,8 % составлял войсковой запас.

Сегодня один из наиболее распространённых мифов в отношении возрождающегося казачества – мнение о том, что казаки против частной собственности на землю. В ходе исследования установлено, что это не соответствует действительности. На вопрос: «Ваше отношение к частной собственности на землю?», – ответы распределились следующим образом:

	Весь массив	Казаки	Неказаки
Я за право граждан России иметь землю в частной собственности	77,4 %	70,3 %	81,2 %
Я против частной собственности на землю	10,3 %	14,6 %	8,1 %
Затрудняюсь ответить	11,3 %	9,6 %	14,8 %

Таким образом, всё население Ростовской области, и казаки и неказаки достаточно единодушны в своей поддержке частной собственности на землю. Если сегодня организовать референдум по этому вопросу, то Дон проголосует «за». Это не снимает проблемы и противоречий реального землепользования и землеустройства, а лишь фиксирует факт общественного сознания, но это факт весьма важный в условиях современной политической борьбы и перипетий второго этапа экономической реформы.

Мировоззренческие установки и политические ориентации. Ещё одним мифом является представление о консервативности и реакционности казачества. Как подтверждает контент-анализ центральной прессы, либеральная интеллигенция воспринимает казачество как фатального про-

тивника демократической реформы. Анализ социологических данных показывает, что, при всей противоречивости настроений в возрождающейся казачьей среде, вывод о преобладании в ней консервативных и реакционных элементов и тенденций был бы неверен. Об этом свидетельствует целый ряд индикаторов. «По какому пути следует пойти России?» – задали вопрос учёные. Респонденты сделали свой выбор из предложенных вариантов. Их ответы отражены в следующей таблице.

	Весь массив	Казачи	Неказачи
Вернуться на тот путь, по которому шли с октября 1917 года	6,6 %	11,1 %	5,1 %
Пойти по пути, которым идут США, Западная Европа, Япония и т.д.	22,8 %	18,1 %	25,0 %
У России свой, особый путь развития	55,3 %	58,5 %	53,9 %
Затрудняюсь ответить	11,6 %	11,1 %	12,1 %

Из таблицы видно, что установки казачества на выбор исторического пути весьма незначительно отличаются и в основном совпадают с установками всего населения области. Мировоззренческие различия, например, одной возрастной группы от другой более значительны, чем отличия казаков от неказачей по этому вопросу.

Специфика казачьих умонастроений заметнее при переходе от общих проблем «выбора пути» к частным проблемам типа «что делать», «с чего начать».

На вопрос: «Что, на Ваш взгляд, в первую очередь должны сделать российская и местная власть?», – получено следующее распределение:

	Весь массив	Казачи	Неказачи
Прекратить спекуляцию и навести порядок	51,1 %	56,7 %	46,9 %
Обеспечить развитие предпринимательства на основе частной собственности	31,0 %	22,4 %	37,6 %
Принять меры социальной защиты населения	45,3 %	45,0 %	46,1 %
Сохранить целостность России	38,1 %	36,8 %	37,6 %
Защитить демократию и не допустить возврата к прежнему	16,0 %	12,3 %	17,4 %
	Весь массив	Казачи	Неказачи
Возродить православие и духовность в России	12,6 %	12,9 %	12,9 %

Остановить рост преступности	38,1 %	38,6 %	38,5 %
Обеспечить права человека	39,5 %	31,6 %	44,1 %
Добиться возрождения казачества	9,9 %	25,7 %	2,2 %

Из таблицы видны приоритеты и идеологемы казачества: порядок, социальная защита, ликвидация преступности, целостность России. Эти позиции характерны и для неказачьего населения области, у которого они развиты несколько меньше, но прибавляются установки на права человека, частную собственность, предпринимательство. Весьма примечательно, что ориентации на православие и духовность незначительны, и казачество этим совершенно не отличается от неказачьего населения. Это позволяет сделать вывод, что речь идёт о создании современной, хотя и специфической социальной общности, которая имеет с дореволюционным казачеством некоторую культурную, кровную связь, но всё же не может быть воспринята как перенос в Россию 90-х годов XX века социальной общности, прекратившей своё существование в первой трети столетия.

Воинская служба и казачье самоуправление. Казачество было сформировано «сцепкой» трёх элементов: воинская служба – землевладение – самоуправление. Без этих элементов или без одного из них возрождение казачества приобретает фольклорно-этнический характер (что, кстати, по мнению ряда экспертов, является предпочтительным вариантом развития событий). Индикатором ориентации на воинскую казачью службу был вопрос: «Ваше отношение к идее создания воинских формирований казачества»? Ответы распределились следующим образом:

	Весь массив	Казачи	Неказачи
Положительное	31,7 %	56,1 %	19,7 %
Скорее положительное, чем отрицательное	16,5 %	17,5 %	14,3 %
Отрицательное	25,0 %	12,3 %	34,0 %
Скорее отрицательное, чем положительное	8,8 %	4,1 %	11,5 %
Затрудняюсь ответить	17,8 %	8,2 %	26,6 %

Суммарное отношение жителей Ростовской области, выраженное алгебраической суммой всех положительных и отрицательных оценок, равно +14,4. Для казаков этот интегральный показатель отношения к воинским формированиям казачества равен +57,2, а для неказаков это уже отрицательная величина, равная – 11,5, что выражает преобладание негативного

отношения к таким формированиям.

Большинство жителей Ростовской области объединяет понимание необходимости перемен в вооружённых силах, проявившееся в распределении ответов на вопрос: «Какая воинская служба, на Ваш взгляд, более подходящая для юношей Вашего города, села?»

	Весь массив	Казаки	Неказаки
Обязательная служба в Вооружённых силах России по призыву	25,0 %	26,9 %	26,1 %
Добровольная (контрактная по найму) служба	56,2 %	39,8 %	63,2 %
Служба в казачьем войске	11,7 %	26,9 %	3,7 %
Затрудняюсь ответить	25,8 %	11,1 %	35,7 %

Более половины жителей Ростовской области являются сторонниками добровольной (наёмной) службы в вооружённых силах. Преобладание у неказачьего населения негативных установок по отношению к казачьим воинским формированиям связано, в том числе и с различными представлениями о тех задачах, которые эти формирования должны решать:

	Весь массив	Казаки	Неказаки
Я вообще против этих формирований	25,8 %	11,1 %	35,7 %
Поддерживать общественный порядок в местах проживания казачества	25,1 %	25,7 %	23,9 %
Защищать границы и интересы России	34,1 %	46,2 %	28,4 %
Защищать интересы казачества России	7,3 %	15,8 %	1,7 %
Затрудняюсь ответить	7,6 %	2,3 %	9,8 %

Таким образом, каждый третий житель Ростовской области и каждый второй казак считают главной задачей казачьих войск защиту российских границ. Каждый четвёртый ростовчанин и каждый третий казак видят необходимость в том, чтобы казачьи войска поддерживали общественный порядок.

Поддержание общественного порядка может быть рассмотрено как элемент казачьего самоуправления. Радикальный вариант – введение атаманского правления. Отношение ростовчан к этой идее в масштабе облас-

ти видно из распределения ответов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы идею установления в Ростовской области казачьего самоуправления, при котором главой исполнительной власти становится атаман Войска Донского?»

	Весь массив	Казаки	Неказаки
Поддерживаю	27,3 %	50,9 %	15,2 %
Не поддерживаю	48,9 %	25,1 %	63,8 %
Затрудняюсь ответить	23,3 %	24,0 %	20,5 %

Ещё более радикальный вариант казачьего самоуправления в масштабе области; «Как Вы относитесь к образованию Донской казачьей республики»? Отношение к этой идее выражено в таблице:

	Весь массив	Казаки	Неказаки
Поддерживаю создание Донской казачьей республики в составе Российской Федерации	36,1 %	59,1 %	23,3 %
Поддерживаю создание Донской казачьей республики как самостоятельного независимого государства	3,7 %	4,7 %	2,8 %
Я вообще против Донской казачьей республики	41,1 %	22,8 %	53,1 %
Затрудняюсь ответить	17,4 %	11,1 %	18,5 %

И в этой, и в предыдущей таблице ещё раз продемонстрировано существование выраженного казачьего самосознания, проявляющегося в стремлении институционализировать складывающуюся, неофициальную общность, облечь её в государственную форму, «огосударствить». Очевидно, что идея атаманского правления в области и идея казачьей республики отторгаются большинством жителей Ростовской области и поэтому утопичны. Вместе с тем, преобладание у казаков этих настроений важно как характеристика политического сознания казаков.

Приведённые данные российской социологической службы «Мониторинг» дополним некоторыми результатами телефонного опроса, проведённого нами в сентябре – начале октября 1992 года в г. Новочеркасске. Он показал подавляющую поддержку горожанами возрождения культурных традиций казачества. Ответы на вопросы об отношении к возможности введения атаманского правления и к идее возвращения казачеству бывшей

собственности Войска Донского характеризуются крайней неустойчивостью. Колебания в 5 – 10 % между положительными и отрицательными оценками в пользу последних говорят о многом. Однако, и инертность населения велика: от 30 до 50 % опрошенных не определили чётко свою позицию. При выявлении социального статуса большинство горожан склонны считать казачество сословием. Таковы лишь общие тенденции в предварительном анализе итогов телефонного опроса.

Очевидно, социологический мониторинг со временем позволит более чётко отследить процесс возрождения донского казачества и проблемы, с ним связанные.



ОСНОВНАЯ ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Броневский В. Описание Донской земли, нравов и обычаев жителей. – СПб., 1834. Ч. III. – 222 с.
2. Быкадоров В. Былое Дона. – СПб., 1908. – 127 с.
3. Градницын А.А. Общественное мнение о возрождении казачества // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 78–84.
4. История Дона с древнейших времён до падения крепостного права / Отв. ред. А.П. Пронштейн. – Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1973. – 300 с.
5. Краснов Н.И. Историко-статистическое описание земли Войска Донского. – Новочеркасск, 1899. – 553 с.
6. Лосев Е. Православный Дон // Наше время. 1991. 18 июля.
7. Лось М. Казаки – жители Косахии? // Донская речь. 1992. 17 марта.
8. Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории: Учебное пособие для студентов и учителей средней школы. – Ростов н/Д., 1992. – 166 с.
9. Номикосов С. Статистическое описание области Войска Донского. – Новочеркасск, 1884. – 780 с.
10. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Издание Отдела народного просвещения. – Новочеркасск, 1919. – 526 с.
11. Пудавов В.М. Историческая записка. Взгляд на основные начала Донского края. – Новочеркасск, 1895. – 15 с.
12. Пудавов В.М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. – Новочеркасск, 1890. Вып. 1. – 328 с.
13. Попов А. История о Донском войске, сочинённая А. Поповым 1812 года в Новочеркасске. – Харьков, 1814 – 1816. – В 2-х ч.
14. Попов И.П. Материалы к истории Дона, собранные И.П. Поповым. – Новочеркасск, 1900. – 168 с.
15. Савельев Е.П. Войсковой круг на Дону: Исторический очерк. – Новочеркасск, 1908. – 16 с.
16. Савельев Е.П. Древняя история казачества: (Историческое исследование). – Новочеркасск, 1915. – Ч. 1. – 184 с.
17. Свод уставов о благоустройстве в казачьих селениях. 1857 г.
18. Сенюткин М. Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века. Заметки из современного быта и взгляд на историю Войска Донского. – М., 1866. – В 2-х ч.
19. Скорик А.П. Казачество глазами исследователя // Донская речь. 1992. 14 мая.
20. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица // Новочеркасские ведомости. 1992. 12 марта.
21. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества // Политические исследования (Полис). 1992. № 3. С. 153 –155.

22. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих. Апрель 1760. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1760.
23. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. – Изд. 2-е. – Новочеркасск: Областной Войска Донского Статистический Комитет, 1903. – 470 с.
24. Фетисов В. Донские славяне // Новочеркасские ведомости. 1992. 14 марта.
25. Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. – М., 1885. Вып. 1. – 388 с.
26. Хохульников К. Слово о казачестве: Узелки на память // Знамя Коммуны. 1991. 14 мая.

ОСНОВНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

1. Закон Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» № 1107-1 от 26 апреля 1991 года;
2. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» № 632 от 15 июня 1992 года;
3. Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации казачества» № 3321 от 16 июля 1992 года;
4. Закон Российской Федерации «О местном самоуправлении в РСФСР» № 1551-1 от 6 июля 1991 года;
5. Закон Российской Федерации «О референдуме РСФСР» от 16 октября 1990 года;
6. Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года;
7. Решение Малого Совета Ростовского областного Совета народных депутатов от 15 июля 1992 года № 170.

ПЕРЕЧЕНЬ ГОРОДКОВ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVI в.

1. Мигулино	5 человек «без баб»
2. Голицын	10 человек «без баб»
3. Решетов	– » –
4. Вещий	5 человек «без баб»
5. Хопёр	40
6. Медведица	100
7. Роспопин	20
8. Клецкий	30
9. Кремьянной	100
10. Стрелчей	30
11. Панщина	20
12. Голубые	70
13. Пять Изб	50
14. Чир	100
15. Ясаулово	– « –
16. Курман Яр	50
17. Другой Карман Яр	50
18. Терновые	100
19. Кумшаков	50
20. Каргала Верхние	50
21. Другой Каргала	100
22. Михалёво	30
23. Гагальник	30
24. Бабей Верхние Раздоры	30
25. Нижние Раздоры	100
26. Бесергенево	50
27. Манок	«много»
28. Черкаской	«много»
29. Манастырский Яр	«в том съезжают казаки со всех городков, часовня тут, попов до 10 и больши и дьяконы. А съехався, живут до Петрова дня, потом разъезжающа по городкам».
30. Стыдное Имя	«Казачьи городки: судимы все тут и атаман, и есаул, и дьяки тут бывают».

**Численность казачьего населения и казаков, находящихся
на военной службе в 1916 году (тыс. чел.)**

Казачьи войска	Население	На военной службе
1. Донское	1495	ок. 100
2. Кубанское	1367	ок. 90
3. Оренбургское	533	27
4. Забайкальское	265	14,5
5. Терское	255	18
6. Сибирское	172	11,5
7. Уральское (Яицкое)	166	11 5
8. Амурское	49	3,5
9. Семиреченское	45	3,5
10. Астраханское	40	2,5
11 . Уссурийское	34	2,5
12. Енисейские казаки (иркутские и красноярские)	ок. 10	0,6
13. Якутский полк	ок. 3	0,3
ИТОГО:	ок. 4434	ок. 285,4

НОВОЧЕРКАССКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В 1916 ГОДУ

Городская управа

Городской голова; заступающий место городского головы; члены управы (всего 14 человек); секретарь; помощник его; делопроизводители (2 человека); делопроизводители воинского стола (2 человека); главный бухгалтер; помощник его; бухгалтеры (2 человека); регистратор; заведующий оценочным отделом.

(С необозначенными обязанностями всего 2 члена управы).

Городская дума

Председатель (он же – городской голова); гласные (то есть депутаты – всего 56 человек); представитель от Войска Донского; депутат от духовенства; секретарь.

(Всего же вместе с председателем, секретарем и двумя представителями – 60 человек).

Городской юрист-консультант; помощник его.

Городской инженер-архитектор.

Городской землемер.

Городовые ветеринарные врачи (2 человека).

Городовые санитарные врачи (4 человека).

Городовые акушерки (2 человека).

Городовые медицинские фельдшера (2 человека).

Городовые ветеринарные фельдшера (4 человека).

Городское санитарно-медицинское бюро: заведующий (врач); делопроизводитель.

Управление водопроводом; заведующий (инженер-механик, инженер-электрик); механик; техник; делопроизводитель; бухгалтер.

Городская электрическая станция: заведующий (инженер); бухгалтер.

Адресный стол: начальник; помощник его. Базарный комиссар.

Театральная комиссия: председатель (городской голова); пять членов комиссии.

Оценочная комиссия: председатель; товарищ его; 14 членов комиссии.

Школьно-просветительная комиссия: председатель; 8 членов комиссии.

Ревизионная комиссия: председатель; 4 члена комиссии.

Юридическая комиссия: председатель; 6 членов комиссии.

Финансовая комиссия: председатель; 9 членов комиссии. Техническая комиссия: председатель; 8 членов комиссии.

Комиссия о пользах и нуждах города: председатель; 12 членов комиссии.

Хозяйственная комиссия: председатель, член управы; 5 членов комиссии.

Санитарно-медицинская комиссия: председатель, член управы; 7 членов комиссии; городские врачи: санитарный (один) и участковые (4 человека).

Земельная комиссия: председатель, член управы; 6 членов комиссии.

Базарная комиссия: председатель; 8 членов комиссии; один кандидат.

Садово-мостовая комиссия: председатель; 14 членов комиссии; один кандидат.

Управление Новочеркасского полицмейстера.

Донское окружное управление Российского общества Красного Креста.

Донской отдел Российского общества покровительства животным.

Донское общество призрения детей Новочеркасского сиропитательного дома.

Правление Донского округа Императорского Российского общества спасения на водах.

Комитет донского попечительства о бедных. Общество Донских врачей.

Новочеркасский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом.

Лечебница с амбулаторией для иногородних лиц в память Священного Коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1896 года.

Комитет общества для пособия бедным донским учащимся.

Комитет по управлению Новочеркасской публичной библиотекой.

Донское общество сельского хозяйства. Донское общество взаимопомощи служащих. Новочеркасское общество взаимопомощи.

Правление сберегательно-вспомогательной кассы служащих в учебных заведениях Донской дирекции.

Новочеркасское отделение Императорского русского музыкального общества.

Новочеркасское взаимно-вспомогательное общество фельдшеров, фельдшериц и повивальных бабок.

Донское общество любителей правильной охоты, рыбоводства и рыболовства.

Донской отдел Императорского Российского общества сельскохозяйственного птицеводства.

Донской отдел Императорского Российского общества садоводства.

Донской областной комитет виноградарства и виноделия. Донское скаковое общество.

Новочеркасское общество поощрения рысистого коннозаводства.

Новочеркасское общество взаимного кредита.

Второе общество взаимного кредита в Новочеркаске.

Третье общество взаимного кредита в Новочеркаске.

Новочеркасское отделение Русско-Азиатского банка.

Агентство Волжско-Камского коммерческого банка в Новочеркаске.

Новочеркасское общество взаимного от огня страхования имуществ.

ГИМН ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв свободы он.

Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив,
И, с простора долетая,
Вольный слышится призыв.

Дон детей своих сзывает,
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародную душой.

В боевое грозно время,
В память дедов и отцов,
Вновь свободно стало племя
Возродившихся донцов.

Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины,
В час невзгоды – честь свободы
Отстоят твои сыны.

Примечание: Первоначальный текст этой песни, созданной Ф.И. Анисимовым в 1853 году во время русско-турецкой войны, был переделан и одобрен Большим Войсковым Кругом Всевеликого Войска Донского 20 сентября 1918 года, став с этого времени Донским гимном (Примеч. атамана Петра Краснова).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	1
Введение.....	3
1. Методологические подходы к осмыслению проблемы	5
2. Проблема этнического определения казаков	11
3. О значении слова «казак» и идее казачества	14
4. Теории происхождения казачества.....	20
5. Обустройство и система организации жизни донских казаков	24
6. Старинные обычаи и традиции донских казаков.....	27
Вместо заключения: донские казаки сегодня (по материалам социологических исследований 1991 – 1992 гг.)	49
Список использованной литературы	60
Приложения	62

СКОРИК А.П.

С 44 Возникновение донского казачества как этноса. Изначальные культурные традиции. – Новочеркасск, 1992. – 72 с.

Работа посвящена изучению проблем появления казачества на исторической сцене российской действительности. В центре внимания находятся первичные историко-культурные традиции донского казачества. Изложение включает в себя современные теоретические подходы к проблеме, где ключевым является понятие «транспериферии». Дается детальная характеристика изначальных обычаев донских казаков. Рассматривается спектр их нравственно-психологических ориентаций. Значительное место отведено социологическому анализу процесса возрождения донского казачества. В результате складывается ретроспективная картина, объясняющая этот социокультурный феномен в истории России.

Брошюра предназначена для студентов, преподавателей гуманитарных дисциплин, специалистов сферы социального управления, для всех, кто интересуется историей донского края.

ББК 63.3 (2Р37)

СКОРИК Александр Павлович
(доцент кафедры истории Новочеркасского политехнического института,
кандидат исторических наук)

**Возникновение донского казачества как этноса.
Изначальные культурные традиции**

Учебно-методическое пособие для студентов
по базовому учебному курсу «История России»

Корректор **С.П. Вострикова**

Сдано в набор 22.09.92 г. Подписано к печати 5.12.92 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п.л. 4,18. Тираж 500. Заказ 1399.

Новочеркасский ордена Трудового Красного Знамени политехнический
институт имени Серго Орджоникидзе
Типография Новочеркасского политехнического института
Адрес института и типографии:
346400, Новочеркасск, ГСП-1, ул. Просвещения, 132.